

Жуль Теймарт

ДЫМ и ЗЕРКАЛА

Нил Гейман
Дым и зеркала (сборник)

«АСТ»

1998

Гейман Н.

Дым и зеркала (сборник) / Н. Гейман — «АСТ», 1998

В сборнике «Дым и зеркала» воображение и артистизм мастера превращают обычный мир в место, где возможны самые нелепые и странные вещи: здесь старушка покупает Святой Грааль в секонд-хенде, американский турист попадает в лавкрафтовский городок Инсмут, где живут приспешники Великого Ктулху, наемные убийцы предлагают свои услуги в «Желтых страницах», а оборотень пытается воспрепятствовать концу света.

© Гейман Н., 1998

© АСТ, 1998

Содержание

Гадание по внутренностям	6
Предисловие	7
Свадебный подарок	9
Гадание по внутренностям: Рондель	16
Галантность	17
Николас Был	18
Цена	19
Мост тролля	20
Не спрашивай Джека	21
Пруд с золотыми рыбками и другие истории	22
Триптих: «Съеденный (сцены из фильма)», «Белая дорога», «Королева ножей»	23
Белая дорога	24
Королева ножей	25
Перемены	26
Дочь Сов	27
Шогготское особой выдержки	28
Вирус	29
В поисках девушки	30
И снова конец света	31
Вервольф	32
Для вас – оптовые скидки	33
Одна жизнь в духе раннего Муркока	34
Холодные цвета	35
Сметающий сны	36
Чужие члены	37
Вампирская сестина	38
Мышь	39
Море меняет	40
Как мы поехали смотреть конец света.	41
Ветер пустыни	42
Хочу тебя попробовать	43
Когда животные ушли	44
Убийственные тайны	45
Снег, зеркало, яблоки	46
Галантность	47
Николас Был	55
Цена	56
Мост тролля	60
Не спрашивай Джека	66
Пруд с золотыми рыбками и другие истории	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Нил Гейман

Дым и зеркала (сборник)

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House и Synopsis Literary Agency

Copyright © Neil Gaiman
© Н. Иванов, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Эллен Дэтлоу и Стиву Джонсу

*Но там, где есть чудовище, есть и чудо.
Огден Нэш. Драконы теперь слишком редки*

Гадание по внутренностям Рондель

– От меня это не зависит, – сказала она. – Все растут! Не могу же я одна не расти!

– Одна не можешь, – сказал Шалтай-Болтай, – а вдвоем гораздо проще. Позвала бы кого-нибудь на помощь – и к семи годам могла бы уже остановиться.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

И скажут: случай то, удача – или рок,
Легли так карты, звезды встали в ряд.
И этот счет отдать тебе велят
За ласку и за зло, – всему свой срок.
Ты в будущее заглянуть не смог?
Я дам ответ, но будешь ты не рад.
Пусть скажут: случай то, удача – или рок,
Легли так карты, звезды встали в ряд.

Я ночью, милый, отыщу предлог,
Во сне почувешь мой холодный взгляд.
Я часа жду исполнить свой обряд,
Чтоб показать судьбы твоей итог.
И скажут: случай то, удача – или рок.

Предисловие

Когда пишешь – словно летаешь во сне. Ты все помнишь. Все можешь. У тебя все получается. И это так легко.

Из дневника автора.

Февраль 1992.

Все дело в зеркалах. Звучит, конечно, банально, но это так. С помощью зеркал, поставленных под углом в сорок пять градусов, показывали фокусы еще в викторианские времена, больше ста лет назад, когда научились в массовых количествах производить чистые качественные зеркала. В 1862 году Джон Невил Маскеллин начал с того, что приладил зеркало к платяному шкафу, и сделал это так ловко, что оно скрывало больше, чем показывало.

Зеркало – удивительная вещь. Оно словно бы говорит все как есть, отражая для нас реальный мир, но стоит его повернуть, и оно станет так убедительно лгать, что вы поверите, будто некий предмет растворился в воздухе, коробка с голубями, цветными лоскутками и пауками пуста, а люди, спрятанные за кулисой или в оркестровой яме, – это парящие над сценой призраки. Выберите верный угол – и зеркало станет волшебным окном: оно покажет все, что вы в состоянии вообразить, а может, кое-что и похлеще.

(В то время как дым размывает контуры предметов.)

Истории – в каком-то смысле зеркала. Они нужны нам, чтобы объяснять себе устройство мира и его нестроение. Как и зеркала, истории готовят нас к грядущему дню. Отвлекают от того, что притаилось во тьме.

Вся художественная литература – это, в сущности, фэнтези, а фэнтези и есть зеркало. Несомненно, кривое – или, как у фокусника, повернутое к реальности под углом в сорок пять градусов, но тем не менее зеркало, и пользуясь им, мы учимся говорить о вещах, которых иначе можно и не увидеть. (*Волшебные сказки, как заметил Г. К. Честертон, – это больше, чем истина. Не потому, что в них утверждается, что драконы существуют, но потому, что в них говорится: драконов можно победить*¹.)

Сегодня первый день зимы. Небо стало серым и пошел снег, который не прекращался до глубокой тьмы. Я сидел в темноте и смотрел, как падает снег, как блестят и мерцают снежинки, попадая в полосы света, и размышлял, откуда берутся истории.

О таких вещах обычно задумываешься, если зарабатываешь этим на жизнь. Я все еще не убежден, что подобное занятие пристало взрослому человеку, но теперь уже слишком поздно. Тем более что я избрал путь, который мне нравится и благодаря которому мне не приходится рано вставать. (Когда я был маленьким, взрослые предостерегали меня от сочинительства, предрекая, что со мной станет, если я их не послушаю. Теперь-то могу сказать вполне определенно, что последствия, в общем, таковы: я много путешествую, и мне не приходится рано вставать.)

Большинство историй в этой книге написаны на потребу издателям, которые просили меня что-нибудь сочинить для того или иного сборника рассказов («сборник про Святой Грааль», «...про секс», «...сказки для взрослых», «...секс и хоррор», «...месть», «...суеверия», «...снова секс»). Некоторые были написаны, что называется, для себя, а точнее – чтобы избавиться от образа или мысли, пригвоздив его или ее к бумаге; это самая веская причина из тех, что я знаю: выпустить демонов, дать им полетать. Иные же написаны из прихоти: это капризы и странности, с которыми не удалось совладать.

---

¹ Честертон Гилберт Куитм (Gilbert Keith Chesterton, 1874–1936) – один из самых ярких и оригинальных британских писателей XX века, религиозный мыслитель; автор детективных «Рассказов о патере Брауне» и остроумнейших афоризмов.

Однажды я придумал историю в качестве свадебного подарка друзьям – про молодоженов, которым на свадьбу подарили историю. Вышло не слишком обнадеживающе. Уже придумав ее, я решил, что мои друзья, возможно, предпочли бы тостер, и подарил тостер, а историю так и не записал. И она сидит в дальнем уголке моей памяти в ожидании, когда кто-нибудь из тех, кто готовится к свадьбе, сможет ее оценить.

Мне пришло в голову (теперь, когда я пишу это предисловие: перьевой ручкой с синими чернилами на листке блокнота в черной обложке, если вам это интересно), что хотя большинство рассказов в этой книге посвящены любви в том или ином ее проявлении, в ней совсем немного счастливых историй, историй о воистину разделенной любви, которые уравновесили бы остальные; а еще что некоторые вообще не читают предисловий. Однако у кого-то там в один прекрасный день все же состоится свадьба. Так что тем из вас, кто читает предисловия, я представляю историю, которую тогда не записал. Если, когда запишу, она мне не понравится, я ее вымарю, и вы так и не узнаете, как вместо того чтобы дописывать предисловие, я принялся излагать на бумаге историю, засевшую в моей голове.)

Свадебный подарок

После всех радостей и переживаний, после свадебной магии и безумств (и нелепой речи отца Белинды, сопровождавшейся показом семейных слайдов), когда медовый месяц в прямом смысле закончился (хотя в переносном еще нет), а их свежий загар еще не успел поблекнуть в лучах осеннего английского солнца, Белинда и Гордон уселись разворачивать свадебные подарки и составлять благодарственные письма за тостеры, полотенца, соковыжималки, чудопечки, столовые приборы, посуду, чайники и занавески.

– Ну вот, – сказал Гордон. – С крупными предметами покончено. Что у нас осталось?

– Конверты, – ответила Белинда. – Должно быть, чеки.

Действительно, в конвертах оказались чеки, подарочные карточки, а также десятифунтовая карточка на покупку книг от Гордоновой тети Мэри, бедной, как церковная мышь, но очень милой, присылавшей ему такие карточки на день рождения, сколько он себя помнил. И наконец, в самом низу огромной стопки, они обнаружили большой коричневый конверт для деловой корреспонденции.

– Что это? – спросила Белинда.

Гордон вскрыл конверт и достал желтоватый лист бумаги, сверху и снизу неровно оборванный, на котором виднелись несколько строк, напечатанных на пишущей машинке, а Гордон уже несколько лет не держал в руках машинопись. Он медленно прочел написанное.

– И что же? – повторила Белинда. – От кого письмо?

– Не знаю, – ответил Гордон. – От того, у кого сохранилась дома пишущая машинка. Оно не подписано.

– Но это письмо?

– Не совсем, – ответил он, почесал нос и снова принялся читать.

– Ах вот как! – сказала она с раздражением (хотя вовсе не была раздражена; она была счастлива. Она просыпалась по утрам и проверяла, так же ли счастлива, как накануне вечером, когда укладывалась спать, или когда Гордон будил ее по ночам, или когда она будила Гордона. Да, так же). – И что же это?

– Что-то вроде рассказа о нашей свадьбе, – ответил он. – Очень мило. Вот, держи, – и протянул ей листок.

Она пробежала его глазами.

В этот ясный день начала октября Гордон Роберт Джонсон и Белинда Карен Эбиндон поклялись, что будут любить, поддерживать и почитать друг друга до конца своих дней. Очаровательная невеста сияла, жених был радостен и взволнован, но держался с достоинством.

Таким было начало. А дальше описывалась свадебная церемония – ясно, просто и с юмором.

– Действительно мило, – подтвердила она. – А что значит на конверте?

– «Свадьба Гордона и Белинды», – прочел он.

– А имя? Ничего, что указывало бы, кто отправитель?

– Ничего.

– Что ж, мило и остроумно, – сказала она. – С чьей-то стороны.

Белинда заглянула в конверт: вдруг увидит там что-нибудь еще, что они прежде не заметили, записку от друзей (ее, его или общих), но в конверте больше ничего не было. И тогда, со вздохом облегчения, что не надо писать еще одно благодарственное письмо, она положила кремовый листок обратно и засунула конверт в коробку, вместе с меню свадебного банкета, и приглашениями, и контролками фотографий, и белой розой из букета невесты.

Гордон был архитектором, Белинда – ветврачом. И для обоих то, что они делали, было не работой, но призванием. Им было чуть больше двадцати. Они никогда прежде не были женаты и даже всерьез влюблены. Они познакомились в клинике, куда Гордон привез свою тринадцатилетнюю Голди, золотистого ретривера – с седой мордой, полупарализованную – на усыпление. Собака жила у него с самого детства, и он хотел быть с ней до конца. Белинда вначале держала его за руку, когда он плакал, а потом, внезапно забыв о профессиональном долге, крепко обняла, словно желая, чтобы он разом выдохнул боль и горечь потери. Кто из двоих предложил встретиться вечером в местном пабе, они позднее так и не вспомнили.

Главное, что следует сказать о первых двух годах брака, – это то, что они были безоблачно счастливы. Время от времени они пререкались, ссорились по пустякам, а после мирились – со слезами бросались в постель и целовывали друг у друга слезы, шепча слова раскаяния. В конце второго года, через шесть месяцев после того, как перестала принимать таблетки, Белинда обнаружила, что беременна.

Гордон подарил ей браслет, украшенный рубинами, а свободную спальню приспособил под детскую, собственноручно переклеив обои. На обоях непрерывно чередовались персонажи детских стихов: Крошка Бо, Шалтай-Болтай и Тарелка, Сбежавшая с Ложкой².

Из роддома Белинда вернулась с маленькой Мелани в переносной кроватке, и к ним на неделю приехала ее мать, которая спала на диване в гостиной.

На третий день Белинда достала коробку, чтобы показать матери свадебные сувениры и вместе вспомнить, как это было. Свадьба казалась уже такой далекой. Они улыбнулись при виде засохшей бурой веточки, которая когда-то была белой розой, и вместе покудахтали над меню и приглашениями. На дне коробки лежал большой коричневый конверт.

– «Супружество Гордона и Белинды», – прочла мать.

– Это рассказ о нашей свадьбе, – сказала Белинда. – Очень милый. Там даже упоминается папина речь со слайдами.

Белинда открыла конверт и достала кремовый листок. Прочтя напечатанный на машинке текст, скорчила гримаску и, не говоря ни слова, вернула листок обратно.

– А можно мне посмотреть, детка? – спросила мать.

– Наверное, это Гордон пошутил, – сказала Белинда. – Но неудачно.

Вечером, когда Белинда, сидя на постели, кормила грудью Мелани, она спросила Гордона, который смотрел на жену и дочурку с глупой улыбкой на лице:

– Милый, зачем тебе понадобилось писать такое?

– Какое такое?

– Письмо. Письмо в конверте. Ты знаешь.

– Не знаю.

– Получилось не смешно.

Белинда указала на коробку, принесенную наверх и поставленную на туалетный столик. Гордон открыл ее и достал конверт.

– Тут всегда была такая надпись? – удивился он. – Мне казалось, тут было написано о нашей свадьбе. – Он вынул из конверта листок с оборванными краями, прочел, и на лбу у него собралась морщина. – Я этого не писал.

Он перевернул листок, словно ожидая что-то увидеть на обороте.

---

² *Крошка Бо-Пип (Little Bo Peep)* – маленькая пастушка, персонаж популярных британских народных стишков: Little Bo-Peep has lost her sheep, And can't tell where to find them; Leave them alone, And they'll come home, Wagging their tails behind them. *Шалтай-Болтай (Humpty Dumpty)* – очень популярный персонаж в англоговорящем мире, герой книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье»; *Тарелка и Ложка* – персонажи старинного британского народного стишка: Hey diddle diddle, the cat and the fiddle, The cow jumped over the moon. The little dog laughed to see such fun And the dish ran away with the spoon!

– Не писал? – переспросила она. – Правда не писал? – Гордон помотал головой. Белинда вытерла молоко с подбородка малышки. – Я тебе верю, – сказала она. – Я думала, что это ты, но это не ты.

– Не я.

– Дай-ка еще раз посмотреть. – Он протянул ей листок. – Вот странно! Я хочу сказать, не смешно и вообще неправда.

На листке машинописи содержалось краткое описание двух прошедших лет их совместной жизни. Это были несчастливые годы, утверждалось там. Через полгода после свадьбы Белинду укусил за щеку пекинес, да так сильно, что рану пришлось зашивать. Остался уродливый шрам. Но что хуже всего – оказался задет лицевой нерв, и она стала прикладываться к бутылке, возможно, чтобы заглушить боль. Она догадывалась, что Гордону отныне неприятно на нее смотреть, и рождение ребенка, так там говорилось, стало неудачной попыткой укрепить семью.

– Но зачем они это затеяли? – спросила она.

– Они?

– Ну, те, кто написал это ужасное письмо. – Белинда потрогала щеку: никаких шрамов, кожа гладкая. Она была очень красивой молодой женщиной, хоть и выглядела сейчас хрупкой и усталой.

– Почему ты сказала «они»?

– Не знаю, – ответила она, перекладывая малышку к левой груди. – Просто не пойму, кто вообще на такое способен. Написать все это, подменить прежнее письмо, дожидаться, пока один из нас это прочтет... Давай, Мелани, вот так, хорошо, моя крошка...

– Может, выбросить его?

– Да. Нет. Не знаю. Мне кажется... – Она провела ладонью по лбу дочурки. – Пусть будет. Вдруг понадобится как улика. Может, это проделка Эла? – Эл был самым младшим братом Гордона.

Гордон положил листок в конверт, конверт – в коробку, а коробку сунул под кровать, и со временем они о ней забыли.

Несколько следующих месяцев оба почти не спали из-за ночных кормлений и непрерывного плача: у Мелани болел животик. Коробка все это время оставалась под кроватью. Гордону предложили работу в Престоне, в нескольких сотнях миль на север, а Белинда еще не вернулась на свою работу и в ее ближайшие планы это не входило, так что она эту идею одобрила. И они переехали.

На мощеной булыжником улице они подыскали дом, такой же, как остальные: высокий, темный, старый. Белинда время от времени подрабатывала в ветеринарной клинике, лечила домашних животных. Когда Мелани было полтора года, Белинда родила сына, которого назвали Кевин, в честь покойного дедушки Гордона.

Гордон к тому времени стал полноценным партнером в своей фирме. А когда Кевин начал ходить в детский сад, Белинда вернулась на работу.

Коробку они привезли с собой. Она стояла в одной из комнат наверху, под накренившейся стопкой номеров журнала «Архитектор» и «Архитектурного ревью». Белинда время от времени вспоминала о коробке и ее содержимом, а однажды вечером, когда Гордон уехал в Шотландию проконсультировать реконструкцию фамильного замка, она решила в нее заглянуть.

Дети уже спали. Белинда поднялась наверх, в неотделанную часть дома. Переложив журналы, открыла коробку, которая (в той ее части, что не была закрыта журналами) за два года покрылась заметным слоем пыли. На конверте по-прежнему значилось «Супружество Белинды и Гордона», и Белинда уже в самом деле не помнила, была ли надпись когда-либо другой.

Она достала из конверта листок и прочла. А потом отложила его и так и сидела, в этой пустой комнате, потрясенная и расстроенная.

На листке было аккуратно напечатано, что Кевин, ее второй ребенок, так и не родился; на пятом месяце у нее случился выкидыш. С тех пор Белинда страдала от приступов тяжелой депрессии. Гордон редко бывал дома, читала она, поскольку оказался втянут в отвратительную интрижку со своим компаньоном, эффектной, но очень нервной дамой на десять лет старше его. Белинда стала больше пить, она носила теперь стоячие воротники и шарфы, чтобы скрыть безобразный шрам на щеке. Они с Гордоном мало говорили, и лишь иногда у них случались мелкие пустячные ссоры, какие бывают у людей, опасаящихся крупных ссор, поскольку если они скажут то важное, что осталось друг другу сказать, это разрушит их совместную жизнь.

Белинда умолчала о последней версии их супружества, написанной на том листке. Но Гордон сам прочел нечто подобное несколько месяцев спустя, когда заболела теща, и Белинда уехала ее проведать.

На листке бумаги, который Гордон достал из конверта, было описано примерно то же, что прочла Белинда, правда, там утверждалось, что интрижка с боссом закончилась у Гордона разрывом, и ему грозит увольнение.

Гордону нравилась его начальница, но он не представлял себе, что в нее можно по-настоящему влюбиться. Ему и работа нравилась, хоть и хотелось чего-то такого, что бы его встряхнуло.

Мать Белинды пошла на поправку, и вскоре Белинда вернулась домой, к облегчению и радости мужа и детей.

В канун Рождества Гордон заговорил с Белиндой о конверте.

– Ты ведь тоже туда заглядывала, не так ли?

В тот вечер они на цыпочках прокрались в детскую и наполнили носок Санта Клауса подарками. Расхаживая по дому, стоя у изголовья детских кроваток, Гордон испытывал эйфорию, но где-то в глубине души поселилась печаль: от сознания, что столь полное счастье не может длиться долго и что никому не под силу остановить Время.

Белинда поняла, о чем он спрашивает.

– Да, я прочла, – ответила она.

– И что ты об этом думаешь?

– В общем, я уже не считаю это шуткой. Даже злой шуткой.

– М-м-м. Тогда что же это?

Они сидели в полутемной гостиной, и горевшее на углях полено отбрасывало на стены желтые и оранжевые блики.

– Я думаю, это и в самом деле свадебный подарок, – сказала она. – На листке говорится о том, что с нами *не* происходит. Все дурное случается там, а не здесь, в реальной жизни. Вместо того чтобы все это пережить, мы об этом только читаем, зная, что так могло случиться, но не случилось.

– То есть ты хочешь сказать, что он волшебный? – Он никогда не сказал бы такого вслух, но это был канун Рождества, и в комнате было почти темно.

– Я не верю в волшебство, – сказала она спокойно. – Но это *свадебный подарок*. И я считаю, что мы должны бережно его хранить.

В День подарков она переложила конверт из коробки в свою шкатулку с драгоценностями, которую запирала на ключ, где тот отныне лежал вместе с ее ожерельями, кольцами, брошками и браслетами.

Весну сменило лето. Зиму – весна.

Гордон чувствовал себя опустошенным. Днем он работал для клиентов: проектировал, контролировал работу строителей и подрядчиков, – а ночами делал то, что хотел: разрабатывал конкурсные проекты музеев, галерей, общественных зданий. Иногда его проекты удостаивались похвал и их печатали в архитектурных журналах.

Белинда стала работать с крупными животными, и это ей нравилось, – ездила на фермы, осматривала лошадей, овец и коров. Иногда брала с собой детей.

Однажды, когда в загоне она преследовала козу, которая не хотела, чтобы ее ловили, а тем более осматривали, у нее зазвонил телефон. Она достала телефон, а коза паялилась на нее с противоположной стороны поля боя:

– Да!

– Угадай, что у меня?

– Привет, дорогой. Хм. Ты выиграл в лотерею?

– Нет. Но близко. Мой проект музея Британского наследия попал в шорт-лист. Правда, мои конкуренты крепкие ребята. И все же я в шорт-листе!

– Вот здорово!

– Я поговорил с миссис Фулбрайт, и она отпустит свою Соню посидеть с детьми. Так что сегодня вечером у нас праздник.

– Ужасно рада. Люблю тебя. Ну, я пошла к своей козе.

Во время чудесного праздничного ужина они выпили слишком много шампанского. А ночью в спальне, когда сняла серьги, Белинда вдруг сказала:

– Может, посмотрим, что нам там понаписали?

Гордон был уже в одних носках. Он посмотрел на нее без улыбки:

– Мне не хочется. Сегодня такой день. Зачем его портить?

Она убрала серьги в шкатулку и заперла ее на ключ. И сняла чулки.

– Наверное, ты прав. Могу себе представить, что там написано. Я – пьяница, и у меня депрессия, а ты – жалкий неудачник. А мы между тем... Ну, я ведь и вправду в подпитии, но я не об этом. Он лежит у нас на дне ящика, этот конверт, совсем как «Портрет Дориана Грея»³.

– «И только по кольцам на руках слуги его опознали». Да. Помню. Он был в школьной программе.

– Знаешь, чего я на самом деле боюсь? – сказала она, надевая ночную рубашку. – Что то, что там написано, – реальная история нашего брака, а то, что есть у нас, – всего лишь красивая картинка. Что там все правда, а у нас – наоборот. Послушай, – она говорила внятно и серьезно, потому что была немного пьяна, – тебе не приходит в голову, что у нас все слишком хорошо, чтобы быть правдой?

Он кивнул.

– Иногда приходит. Сегодня например.

Она вздрогнула.

– А может, я и в самом деле пьяница со шрамом на щеке, а ты трахаешь все, что движется, и Кевин так и не родился, и все остальные ужасы тоже с нами случились?

Он встал, подошел и обнял ее.

– Но это неправда, – твердо сказал он. – Реально вот это все. Ты, я. На этом листке записана просто история. То есть просто слова.

И он поцеловал ее, и прижал к себе, и больше они не произнесли ни слова.

Через долгих полгода проект Гордона был признан победителем, хотя в «Таймс» его назвали «агрессивно современным», в специальных журналах признали старомодным, а один из членов жюри сообщил в интервью «Санди телеграф», что это «единственный компромиссный проект, за который готово было проголосовать все жюри».

Они переехали в Лондон, а дом в Престоне сдали художнику с семьей, потому что Белинда ни за что не хотела его продавать. Гордон с головой ушел в работу над своим проектом.

---

³ «И только по кольцам на руках слуги его опознали» – последняя фраза одного из самых известных романов мировой литературы «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайлда (1854–1900), где, как известно, схожий принцип: портрет старился и принимал отвратные черты в соответствии с поступками героя, в то время как он сам оставался молодым и прекрасным.

Кевину было уже шесть, а Мелани – восемь лет. Мелани в Лондоне было страшновато, зато Кевин его любил. Правда, оба они поначалу переживали из-за того, что им пришлось оставить друзей и школу. Белинда нашла работу на полставки в Кемдене, где три дня лечила в клинике домашних животных. Но ей не хватало ее коров.

Дни в Лондоне перетекли в месяцы, а месяцы – в годы, и хотя время от времени возникали проблемы с деньгами, Гордон был по-прежнему воодушевлен. Приближался день начала строительных работ.

Однажды Белинда проснулась слишком рано и долго смотрела на спящего мужа в бледно-желтом свете уличного фонаря. У него уже появились залысины, и волосы на макушке поредели. Белинда подумала, что если бы она вышла замуж за лысого, это бы мало что изменило. В принципе они счастливы. В принципе все хорошо.

И ей захотелось узнать, что случилось *с теми*, в конверте. Она чувствовала их присутствие, как что-то гнетущее и сухое, там, в дальнем углу спальни, где они были заперты подальше от греха. И ей внезапно стало жаль Белинду и Гордона, оказавшихся в том конверте и ненавидящих друг друга и все вокруг.

Гордон захрапел. Она нежно поцеловала его в щеку, приговаривая: «Ш-ш-ш». Он перевернулся и перестал храпеть, но не проснулся. Она прижалась к нему, а вскоре и сама заснула.

На следующий день после ланча, во время разговора с поставщиком тосканского мрамора, Гордон вдруг удивленно поднял руку к груди и сказал:

– Мне ужасно жаль...

Колени у него подогнулись, и он упал. К тому времени, когда приехала «скорая», он был уже мертв. Ему было тридцать шесть.

Вскрытие показало, что у Гордона от рождения слабое сердце, и оно могло остановиться в любой момент.

Первые три дня после его смерти Белинда ничего не чувствовала, практически ничего. Она утешала детей, разговаривала со своими и его друзьями, со своими и его родственниками, мягко и вежливо принимала соболезнования, как принимают ненужные подарки. Она слушала, как другие оплакивают Гордона, а сама никак не могла заплакать. Она все делала правильно, но не чувствовала абсолютно ничего.

Мелани, которой уже исполнилось одиннадцать, как будто смирилась с утратой, а вот Кевин забросил и книги, и компьютерные игры, не выходил из своей комнаты и только молча смотрел в окно.

На следующий день после похорон родители вернулись к себе за город, забрав с собой детей. Белинда ехать отказалась, сославшись на дела.

На четвертый день после похорон, застывая кровать, на которой спала вместе с Гордоном, она наконец заплакала, мощные рыдания сотрясали ее тело, а слезы капали прямо на покрывало, и из носа текли сопли, и она вдруг села на пол, как марионетка, у которой обрезали нити, и сидела так почти целый час, осознав, что никогда его больше не увидит.

Она вытерла лицо, отперла ящик с драгоценностями и достала из него конверт. Вытащив из конверта кремевой листок, пробежала по нему глазами. Та Белинда, напившись, разбила машину, и у нее должны были отобрать права. Они с Гордоном почти не разговаривали. Он потерял работу полтора года назад, и теперь коротал время в их доме в Солфорде. На жизнь зарабатывала одна Белинда. Мелани отбилась от рук: как-то, прибирая у дочери в комнате, Белинда обнаружила заначку из пяти- и десятифунтовых купюр. Мелани не пожелала объяснить, откуда взялись деньги у одиннадцатилетней девочки, она лишь смотрела на родителей, поджав губы, а затем удалилась в свою комнату. Ни Гордон, ни Белинда не стали дальше расспрашивать, боясь того, что могло обнаружиться. Дом в Солфорде был сырым и темным, с потолка огромными кусками отваливалась штукатурка, и они, все трое, постоянно болели.

Белинда их пожалела.

Она положила листок обратно в конверт. Ей стало интересно, каково это, ненавидеть Гордона, и чтобы он ее ненавидел. И каково жить без Кевина, никогда не видеть его рисунков с самолетами, не слышать, как ужасно он фальшивит, что-то напевая. И откуда Мелани, не ее Мелани, а, благодарение Богу, та, другая, взяла эти деньги, и с облегчением подумала, что ее Мелани, кажется, мало чем интересуется, кроме балета и книжек Энид Блайтон⁴.

Ей так не хватало Гордона, у нее в груди словно застряло что-то острое, кол, точнее сосулька, материализованный холод одиночества и сознание того, что она никогда уже не встретит его на этом свете.

Она отнесла конверт в гостиную, где за каминной решеткой горел огонь – Гордон любил открытый огонь. Он утверждал, что когда разжигают камин, комната оживает. Белинда не любила топить углем и в тот вечер разожгла камин бездумно, по привычке и еще потому, что не разжечь его означало бы в глубине души допустить, что Гордон уже никогда не придет домой.

Какое-то время Белинда смотрела в огонь, раздумывая о том, что было в ее жизни, и о том, от чего отреклась, а еще о том, что хуже, любить человека, которого больше нет, или не любить того, который есть.

И наконец, небрежным жестом, бросила конверт на угли и все смотрела, как сворачивается, чернеет и занимается огнем бумага, смотрела, как желтые языки плясали в синем пламени. Вскоре конверт превратился в черные хлопья сажи, которые поднялись вверх, как письмо Санта Клаусу, и их уносило в трубу, а из нее – в ночь.

И тогда Белинда откинулась на спинку стула и прикрыла глаза, ожидая, покуда шрам расцветет на щеке.

Эту историю я не подарил своим друзьям на свадьбу. Хотя, конечно, это не та история, что я тогда придумал, и даже не та, что собирался написать еще несколько страниц назад. История, которую я хотел написать, была гораздо короче, она гораздо больше походила на сказку, и у нее был другой конец. (Я уж не помню, как она заканчивалась прежде. Какая-то концовка была, но по мере того, как я писал, нынешняя стала неизбежной.)

Большинство рассказов в этом сборнике многое объединяет. То, к чему они ведут, вовсе не совпадает с тем, к чему я вел, когда принимался их писать. Порой я только и мог понять, что история закончилась, когда у меня заканчивались слова.

---

⁴ *Энид Мэри Блайтон* (1897–1968) – британская писательница, работавшая в жанре детской и юношеской литературы, ее книги пользовались огромной популярностью у подростков.

Гадание по внутренностям: Рондель

Издатели, которые просят у меня истории неважно о чем (*Честно. Вообще о чем угодно. Давай, напиши историю, которую всегда хотел написать*), редко что получают.

Лоуренс Шимель обратился ко мне с просьбой написать стихотворение, которое предвзяло бы сборник историй о предсказании будущего. Он хотел, чтобы это было нечто с повторяющимися строками, вроде вилланели или пантуна⁵, чтобы усилить ощущение предрешенности нашего будущего.

Так я написал ему рондель⁶ об удовольствиях и опасностях гадания, предпослав его самой мрачной шуткой из «Алисы в Зазеркалье». Почему-то это показалось мне прекрасной отправной точкой для такой книги.

---

⁵ *Вилланель (Villanelle)* – деревенская песня любовного характера, культивировавшаяся во Франции и Италии; характеризуется трехстрочной строфой, однообразной рифмовкой и рядом повторов (припевов). *Пантум* (пантун; фр. *rantoum*) – малайская поэтическая форма, представляющая собой импровизированные четверостишия с перекрестной рифмовкой, четные строки каждого четверостишия полностью повторяются в следующем четверостишии уже как нечетные. Был популярен у французских романтиков.

⁶ *Рондель (фр. rondel)* – стихотворная форма, состоящая из тринадцати стихов, в трёх строфах. Рондель возник в средневековой французской поэзии. Знаменитые рондели принадлежат Карлу Орлеанскому, а в новейшее время – Стефану Малларме.

Галантность

У меня выдалась скверная неделя. Сценарий, который должен был написать, застрял на месте, и я проводил дни, вперившись в пустой экран, время от времени набирая слово, плясая на него часами, а потом медленно, буква за буквой, удаляя и вместо него набирая другое слово. И в конце концов выходил из программы, ничего не сохранив. Тут позвонил Эд Крамер и напомнил, что я должен ему историю для сборника рассказов о Святом Граале, который он составлял вместе с вездесущим Марти Гринбергом. И понимая, что ничего другого мне не остается, тем более что обещанная история уже сложилась в моей голове, я ответил: «Ладно».

Я написал рассказ за выходные, благодарение богам, как никогда легко и вдохновенно. Я словно совершенно переменился: я смеялся в лицо опасностям, и творческий застой был мне нипочем. А после еще с неделю мрачно взирал на пустой экран, потому что боги тоже умеют шутить.

Несколько лет назад, на автограф-сессии, кто-то подарил мне экземпляр статьи в научном журнале, посвященном феминистской теории языка. В ней сравнивались и противопоставлялись моя «Галантность», «Леди Шалот» Теннисона и песня Мадонны. Надеюсь, когда-нибудь я напишу историю под названием «Вервольф миссис Уайтекер», и мне уже теперь интересно, что за статью о ней напишут.

Когда читаю со сцены, я обычно начинаю с этой истории. Она очень задушевная, и я люблю читать ее вслух.

Николас Был

Каждое Рождество я получаю открытки от художников. Они их рисуют или пишут красками. Это образчики прекрасного, памятники вдохновенному творчеству.

Каждое Рождество я чувствую себя никчемным, посрамленным и бесталанным.

Но однажды я написал эту историю, к самому Рождеству. Дейв МакКин аккуратно ее переписал каллиграфическим почерком, а я разослал всем, кого вспомнил, как Свою Открытку.

История состоит ровно из ста слов (из ста двух, включая название⁷) и впервые была опубликована в «Грязный-2», сборнике коротких рассказов из ста слов. Вообще-то я собираюсь подготовить еще одну рождественскую открытку, но вспоминаю об этом не раньше 15 декабря⁸ и всякий раз откладываю до следующего года.

---

⁷ В русском переводе слов ровно сто, включая название.

⁸ То есть всего за девять дней до Рождества.

Цена

Мой литературный агент, мисс Меррили Хейфец из Нью-Йорка, милейший человек, лишь однажды сама предложила мне написать книгу. Это было какое-то время назад. «Послушайте, – сказала она, – ангелы вообще-то крупные, но людям всегда нравились книги о кошках, и я подумала, что было бы здорово, если бы кто-то написал книгу о кошке, которая была ангелом, или ангеле, который был кошкой, или что-то в этом роде».

Я сказал, что это серьезная коммерческая идея и я об этом подумаю. К сожалению, к тому времени, когда я наконец закончил думать, книги об ангелах стали чем-то устаревшим-еще-в-прошлом-году. Однако идея обрела свою почву, и в один прекрасный день я написал эту историю.

(Что любопытно: однажды молодая леди влюбилась в моего Черного Кота, тот ушел к ней жить, а когда я видел его в последний раз, он был размером с совсем небольшую пуму, и сейчас, насколько мне известно, все еще растет. Через две недели после того как от меня ушел Черный Кот, явился бурый полосатый и направился прямо к нам на веранду. Сейчас, когда пишу эти строки, он посапывает на спинке дивана в нескольких футах от меня.)

Хочу воспользоваться возможностью поблагодарить моих близких за то, что позволили рассказать о них в этой истории, но главное – за то, что оставили в покое, пока я ее писал, а также за то, что порой заставляли выйти с ними поиграть.

Мост тролля

Эта история номинировалась в 1994 году на World Fantasy Award, хотя награды и не получила. Я написал ее для антологии «Белый снег, красная кровь», составленной Эллен Дэтлоу и Терри Уинлингом, где были собраны сказки, пересказанные для взрослых. Я выбрал сказку «О трех козлах»⁹. Если бы Джин Вульф¹⁰, один из моих любимых писателей (и кстати, еще один человек, запрятавший одну из историй в предисловии), не использовал это название много лет назад, я назвал бы сказку «Ловушка»¹¹.

---

⁹ *Сказка о трех козлах* – американская народная сказка. Три козла собираются перейти по мосту на другой берег реки, чтобы попасть на сочном лугу. Но под мостом сидит злой тролль. Козлы идут на хитрость: сначала мост проходит тот, что поменьше. Когда тролль хочет его схватить, тот советует ему дождаться следующего, помясистее. Тролль козла отпускает. Так происходит и со вторым козлом. Третий козел, самый крупный, сбрасывает тролля в реку.

¹⁰ *Джин Вульф* (р. 1931) – американский фантаст, друг и соавтор Нила Геймана. Оценивается современной критикой и даже коллегами по перу как один из величайших фантастов современности. На русском языке его произведения практически не издавались.

¹¹ «*Ловушка*» (*Trip Trap*, 1967) – рассказ Джина Вулфа.

Не спрашивай Джека

Лайза Снеллингс – замечательный скульптор¹². Эту историю я написал о первой ее скульптуре, в которую влюбился, едва увидев: это был демонический Джек-из-табакерки. Она подарила мне копию и говорит, что якобы завещала оригинал. Каждая ее скульптура как история, застывшая в дереве или гипсе. (На моей каминной полке стоит такая история о крылатой девочке в клетке, предлагающей прохожим перья из своих крыльев, пока ее похититель спит; предполагаю, что это роман. А там посмотрим.)

---

¹² Лайза Снеллингс (*Lisa Snellings*) – художник и скульптор. Особенно известна своими куклами (*Poppets*), которые вдохновляют не только Нила Геймана, но и других писателей.

Пруд с золотыми рыбками и другие истории

Процесс писания меня заводит. Эту историю я начал в 1991-м. Написал три страницы, но затем, чувствуя, что материал мне слишком близок, отложил. А в 1994-м решил закончить ее для сборника, который издавали Джанет Берлинер и Дэвид Копперфилд. Я писал ее наспех на убитом нетбуке, в самолетах, автомобилях и гостиничных номерах, беспорядочно, урывками записывая диалоги и встречи, пока не убедился, что записал все. Тогда я распределил материал по порядку и был удивлен и обрадован тем, что из этого получилось. Рассказанное в ней – отчасти правда.

Триптих: «Съеденный (сцены из фильма)», «Белая дорога», «Королева ножей»

Несколько лет назад, в течение месяцев, я писал три эпических поэмы. Первая, «Съеденный (сцены из фильма)», возникла в моей голове в мае 1993 года в результате осмысления того, как одни люди воспринимают других людей; и осмысления кино, его языка и его возможностей; порнографии и ее низких стандартов; языка киноприемов и сценария; и взаимосвязи между едой и сексом. Правда, началось это еще в 1984 году, когда однажды в ночном кошмаре меня живьем съела пожилая женщина-ведьма; она держала меня у себя, чтобы съесть, заставляя как зомби всюду следовать за собой. Моя левая кисть и предплечье представляли собой кости с застрявшими кусочками недожеванной плоти. Тогда я превратил этот сон в историю, но некоторые детали все не отпускали, начали медленно разворачиваться в другую историю, и эти перламутровые образы наслаивались и срастались, вращаясь вокруг чего-то такого, чего у меня и в помыслах не было.

Когда читаю сценарии и когда их пишу, я всегда мысленно говорю: «инт» или «экст», именно так, а не «интерьер» и «экстерьер». Я был удивлен, обнаружив, когда показывал кое-кому свое стихотворение, что другие так не делают. Однако «Съеденный» – очень буквальное стихотворение, и там так же фигурируют эти слова, как у меня.

Второе стихотворение было пересказом старинных английских народных сказок под названием «Белая дорога». Оно столь же необычно, как истории, на основе которых написано. Последним я написал стихотворение о моих бабушке и дедушке по матери и о магии сцены. Оно не столь необычно, однако, надеюсь, столь же впечатляюще, как два предыдущих. Я гордился всеми тремя. Так сложились обстоятельства, что все они были опубликованы в разное время и каждое попало в антологию лучших рассказов года (все три сразу были опубликованы в американском сборнике лучших рассказов года в жанре фэнтези и хоррор, одно – в английском ежегоднике лучших рассказов хоррор, а одно – к моему удивлению – удостоилось войти в сборник лучших эротических произведений мира).

Белая дорога

Существуют две истории, которые годами преследовали и тревожили меня, истории, притягивавшие и отпугивавшие со времен моего детства. Одна из них – история Суини Тодда¹³, «демона-брадобрея с Флит-стрит». Другая – это сказка о мистере Фоксе, английской версии Синей Бороды.

При пересказе я вдохновлялся версиями сказки, которые нашел в изданном в «Пингвине» сборнике английских сказок под редакцией Нейла Филипа «История мистера Фокса» и примечаниях к ней, и в одной из редакций сказки под названием «Мистер Фокс», где я обнаружил белую дорогу и отметки, которые оставлял преследователь девочки на дороге, что вела к тому страшному дому.

В истории мистера Фокса уныло повторяется рефрен «Но ведь это не так, да и не было так. И не дай Господь, чтобы было так!», помимо перечисления всех ужасов, которые невеста мистера Фокса якобы видела во сне. В конце она бросает то ли окровавленный палец, то ли руку, которую унесла из его дома, и доказывает, что все, о чем говорила, правда. Так эффектно заканчивается его история.

Моя история еще и обо всех этих странных китайских и японских народных сказках, в которых все в конце концов сводится к лисам¹⁴.

---

¹³ *Суини Тодд*, как и Джек Потрошитель, – излюбленный герой викторианского трэш-фольклора. По легенде, брадобрей Тодд перерезал своим клиентам бритвой горло, а его сообщница миссис Ловетт помогала ему избавляться от тел, делая из них начинку для мясных пирогов. В 1979 г. вышел мюзикл «Суини Тодд, демон-парикмахер с Флит-Стрит», ставший необычайно популярным и получивший десять премий «Тони».

¹⁴ *...этих странных китайских и японских народных сказках, в которых все в конце концов сводится к лисам.* Как известно, в китайской традиции (более древней, заметим, чем японская) лисам действительно уделяется особая роль. Девятихвостая белая лисица, жившая в горе Ту, явилась легендарному правителю Юю, спасшему землю от потопа (XXIII в. до н. э.), и он даже женился на ней. «Небесная лисица, – говорится в другом предании, – имеет девять хвостов и золотистую шерсть: она может проникать в тайны мироздания, покоящиеся на чередовании мужского и женского начал» (Цит. по: Акад. В. Алексеев. Предисловие // Ляо Чжай. Искусство лисьих наваждений. М., 2003. С. 8.) Лиса – анонимное божество, наделенное способностью принимать всевозможные формы, начиная от лисы-зверя и кончая лисой-женщиной и лисой-мужчиной. В книге Ляо Чжая, созданной в XVII в. и неизменно популярной в Китае во все времена и при всех режимах, лиса является главным персонажем. Она окутывает человека злым наваждением, обольщает, превращает в исполнителя своей злой воли и доводит до гибели. Правда, все это происходит главным образом в наказание за постыдные поступки и порочные черты характера.

Королева ножей

Эта история, как и мой графический роман «Мистер Панч»¹⁵, очень близка к правде, хоть мне и пришлось при случае объяснять некоторым родственникам, что ничего такого на самом деле не было. Ну, то есть все было не совсем так.

---

¹⁵ Изящный графический роман *The tragical comedy or comical tragedy of Mr. Punch* с иллюстрациями Дэйва Маккина опубликован в 1994 году. Сюжет строится вокруг детских воспоминаний безымянного рассказчика, в котором читатель легко узнает самого Нила Геймана. По жанру это смесь семейной саги, бытового детектива и магического реализма.

Перемены

Однажды мне позвонила Лайза Таттл и попросила историю для гендерного сборника.

Я всегда любил научно-фантастические пророчества, и когда был молод, не сомневался, что в будущем стану научным фантастом. Но я им не стал. Когда почти десять лет назад у меня впервые появилась эта идея, она представляла собой собрание коротких историй, которые должны были объединиться в роман, посвященный исследованию мира гендерных рефлексий. Но ни одной из этих историй я не записал. И когда Лайза позвонила, мне пришло в голову, что я могу взять придуманный когда-то мир и рассказать о нем так же, как Эдуардо Галеано¹⁶ рассказал историю Америк в своей трилогии «Память огня».

Закончив работу, я показал историю подруге, и та заметила, что она читается, как преамбула к роману. Мне оставалось только восхититься ее провидческим даром. Лайзе Таттл история понравилась, а значит, мне тоже.

---

¹⁶ Эдуардо Галеано (р. 1940) – уругвайский писатель и левый политический деятель. Автор более десяти книг, переведенных на двадцать языков, и множества эссе. Трилогия «Память огня» (*Memoria del fuego*; в русском перев. «Огонь воспоминаний») впервые увидела свет в 1986 г.

Дочь Сов

Джон Обри, собиратель и историк семнадцатого века, – один из моих любимых писателей. В его сочинениях содержится мощная смесь легковерия и эрудиции, анекдотов, воспоминаний и догадок. Читая Обри, ты словно слышишь голос живого человека, дошедшего к тебе через века, чрезвычайно приятного и интересного. К тому же мне нравится его правописание. Прежде я неоднократно записывал эту историю, но всякий раз оставался недоволен. И тогда мне пришло в голову написать ее в стиле Обри.

Шогготское особой выдержки

Ночной поезд из Лондона до Глазго – это зыбкий сон, от которого пробуждаешься около пяти утра. Сойдя с поезда, я напрямик отправился в станционный отель. Я намеревался спуститься к стойке администратора, снять номер, еще немного поспать, а когда все уже обо всем договорятся, в течение двух дней поучаствовать в конференции научных фантастов, которая там проводилась. Я должен был освещать ее работу для одной из центральных газет. Это было в 1985 году.

По дороге к стойке администратора я прошел мимо бара, в котором не было никого, кроме смущенного бармена и фаната научной фантастики по имени Джон Джеррольд, которому, как почетному гостю конференции, был открыт счет в баре, чем он и пользовался, пока другие спали.

Я остановился поговорить с Джоном, так и не дойдя до стойки администратора. Следующие сорок восемь часов мы провели, болтая, смеясь, рассказывая истории и с энтузиазмом распевая все, что нам удалось вспомнить из «Парней и куколок»¹⁷ до утра следующего дня, когда бар снова опустел. В том баре мне довелось поговорить с ныне покойным Ричардом Эвансом, английским издателем научной фантастики, и этот разговор шесть лет спустя нашел свое воплощение в «Никогде».

Я не очень отчетливо помню, почему мы с Джоном начали говорить о Ктулху голосами Питера Кука и Дадли Мура¹⁸, а также почему я взялся читать ему лекцию о поэтике Г. Ф. Лавкрафта¹⁹. Возможно, сказалось недосыпание.

В те времена Джон Джеррольд был уважаемым издателем, оплотом британской издательской индустрии. Некоторые эпизоды этой истории родились в том баре, где мы с Джоном изображали Пита и Дада как героев Г. Ф. Лавкрафта. А Майк Эшли потом уговорил меня написать о них историю.

И в октябре 1999 года она была номинирована на World Fantasy Award.

---

¹⁷ «Парни и куклолки» (*Guys and Dolls*) – мюзикл, премьера которого состоялась на Бродвее в 1950 г. Спектакль пользовался большим успехом и завоевал премию «Тони» как лучший мюзикл.

¹⁸ *Ктулху* (*Cthulhu*) – божество, выдуманное Лавкрафтом. Впервые упомянут в рассказе «Зов Ктулху» (1928). Ктулху напоминает огромного зеленого осьминога с гуманоидным телом, покрытым чешуей, при движении истекает слизью. Согласно Лавкрафту, Ктулху – существо инопланетного происхождения, до поры он спит на дне океана, иногда проникая в сознание особенно чувствительных спящих людей. Пробуждение Ктулху приведет к гибели цивилизации. Питер Эдвард Кук (1937–1995) – британский актёр, сценарист, артист разговорного жанра. Дадли Мур (1935–2002) – британский комедийный актёр, композитор и музыкант. Совместно вели проект «Не только... Но и...» (*Not Only... But Also*) (1965–1970). Кук и Мур, одетые в плащи и кепки с козырьком, изображали журналиста и эксцентричного пролетария, обсуждавших политические и культурные события.

¹⁹ *Говард Филлипс Лавкрафт* (1890–1937) – американский писатель. Писал в жанрах ужасов, мистики и фэнтези, совмещая их в собственном оригинальном стиле. Родоначальник мифов Ктулху, описание которых продолжили его последователи. Считается одним из основателей жанра фэнтези. Обычно Лавкрафт ссылался на древние книги, в основном оккультные, содержащие тайны, которые не должен знать человек. По большей части эти книги были вымышленными, однако некоторые существовали в действительности. Лавкрафт давал лишь общие ссылки и редко входил в детальное описание. Самым известным манускриптом, на которые он ссылался, является «Некрономикон». Объяснения Лавкрафта относительно этого текста столь продуманы и логичны, что многие и по сей день верят в реальность этой книги.

Вирус

Эта история была написана для «Цифрованных снов» («*Digital Dreams*»), собранной Дэвидом Барреттом компьютерной антологии беллетристики. Во многие компьютерные игры я больше не играю. А когда играл, замечал, что они пытались штурмом брать участки моего мозга. Падали блоки, и крошечные человечки бегали и подпрыгивали у меня под веками, когда я отправлялся спать. Скорее всего я бы проиграл, даже если бы играл не с компьютером, а со своим мозгом. Так появилась эта история.

В поисках девушки

Эту историю заказал «Пентхаус» к своей двадцатой годовщине, которую отмечали в январе 1985 года. Несколько предыдущих лет я перебивался как мог, будучи молодым журналистом и беря на улице интервью у знаменитостей для «Пентхауса» и «Валета», двух английских эротических журналов, гораздо более жестких, чем их американские версии; учитывая все обстоятельства, это была прекрасная школа.

Как-то я спросил одну модель, не считает ли она, что ее эксплуатируют. «Меня? – переспросила она. Ее звали Мэри. – Мне за это прекрасно платят, милый. Значительно больше, чем за ночную смену на Брэдфордской кондитерской фабрике. Но я скажу тебе, кого эксплуатируют. Всех этих типов, что покупают журнал. Дрочат на меня каждый месяц. Вот их-то и эксплуатируют». Думаю, эта история берет начало в том разговоре.

Когда я писал ее, она мне нравилась: это был первый написанный мной рассказ, который похож на меня и в котором я ни на кого не пытался быть похожим. Я выработывал стиль. Сочиняя историю, сидел в английском «Пентхаусе» и листал подшивки журналов за двадцать лет. В самом первом номере я обнаружил фото, сделанное моей подругой Диной Смит. Дина была стилистом «Валета», и оказалось, что она получила самую первую премию «Пентхауса» «Домашнее животное 1965». Я позаимствовал рекламу Шарлотты 1965 года из рекламы Дины «Возрождающийся индивидуалист» и других. Последнее, что я знаю: «Пентхаус» охотился за Диной по случаю их двадцатипятилетия. Но она куда-то скрылась, и это было во всех газетах.

Когда я просматривал все эти журналы, мне пришло в голову, что «Пентхаус» не имеет абсолютно никакого отношения к женщинам, но зато в нем все построено на фотографиях женщин. И это послужило еще одним посылом для моей истории.

И снова конец света

Мы со Стивом Джонсом дружим пятнадцать лет. Мы даже вместе составили сборник непристойных стихов для детей. Это означает, что он обычно звонит и говорит что-то вроде: «Я собираю антологию историй, которые происходят в придуманном Г. Ф. Лавкрафтом городе Иннсмуте²⁰. Напиши для него рассказ».

История придумалась благодаря многим вещам, собранным вместе (вот откуда мы, писатели, Берем Наши Идеи, если вам это интересно). Одной из таких вещей была книга ныне покойного Роджера Желязны «Ночь в одиноком октябре»²¹, чрезвычайно забавная, со многими персонажами из ужасиков и фэнтези: Роджер подарил мне свою книгу за несколько месяцев до того, как я решил написать эту историю, и она мне ужасно понравилась. Примерно в то же время я читал отчет о суде над французским вервольфом, который проходил 300 лет назад. Я понял, читая показания одного свидетеля, что эти документы вдохновили Саки на замечательного «Габриэля-Эрнеста», а Джеймса Бренч Кейбелла – на новеллу «Белое платье»²², и что Саки, как и Кейбелл, были слишком хорошо воспитаны, чтобы использовать перепонки на пальцах как основное доказательство на процессе. А это означало, что так могу поступить только я.

Настоящего вервольфа звали Ларри Тэлбот, именно он встретил Эбботта и Костелло²³.

---

²⁰ *Иннсмут* (Innsmouth) – вымышленное маленькое портовое поселение. Впервые упомянуто Лавкрафтом в рассказе «Селефаис» (1920). Хотя в рассказе оно расположено в Англии, впоследствии Лавкрафт называл этим именем и выдуманный американский город. С тех пор Иннсмут стал неотъемлемой частью мифов Ктулху.

²¹ *Роджер Желязны* (1937–1995) – американский писатель-фантаст. «Ночь в одиноком октябре» (*A Night in the Lonesome October*. 1993) – его последняя книга. Повествование ведется от лица сторожевого пса по кличке Нюх (*Snuff*). Он вместе со своим хозяином Джеком участвует в Большой Игре, которая проходит раз в несколько десятилетий, всегда в новом месте. Когда ночь Хэллоуина совпадает с полнолунием, ткань реальности рдеет и могут быть открыты врата между этим миром и царством Великих Древних. Процесс открытия этих врат и есть Игра. В игре участвуют две стороны: те, кто хочет, чтобы изгнанные Древние вернулись в наш мир, и те, кто против их возвращения. В течение месяца обе стороны готовятся к решающему дню, собирая различные ингредиенты для колдовских зелий и накапливая силу. Почти у каждого игрока есть помощник, животное-спутник. Игроки и их животные образуют альянсы, но никто не может быть уверен, что его союзник не на вражеской стороне.

²² *Гектор Хью Манро* (1870–1916), более известный как Саки, – британский писатель, остроумная и мрачная проза которого высмеивает культуру и общество эдвардианской эпохи. «Габриэль-Эрнест» (*Gabriel-Ernest*. 1909) – рассказ об оборотне, мастерская зарисовка о столкновении человека с силой, природу которой он не может понять. *Джеймс Бренч Кейбелл* (1879–1958) – американский писатель-фантаст и беллетрист.

²³ *Эбботт и Костелло* (*Abbott and Costello*) – знаменитый американский комедийный дуэт. Бад Эбботт (1895–1974) и Лу Костелло (1908–1959) начали сниматься в кино в начале 1940-х годов, много выступали на радио и телевидении в 1940-е и 1950-е годы. «Эбботт и Костелло» – одна из самых популярных и долговечных программ; многие телекомпании показывают ее и сегодня.

Вервольф

Здесь снова замешан Стив Джонс. «Я хочу, чтобы ты написал для меня эпическое стихотворение. Это должна быть детективная история с действием в ближайшем будущем. Ты можешь воспользоваться персонажем по имени Ларри Тэлбот из “И снова конец света”».

Так случилось, что я только что закончил совместную работу над сценарием фильма по «Вервольфу», старинной английской эпической поэме, и был слегка удивлен числу людей, которые по ошибке решили, будто я только что закончил сценарий одной из серий «Спасателей Малибу». И тогда я принялся пересказывать «Вервольфа» как будущий эпизод из «Спасателей» для антологии детективных рассказов. Кажется, это было самым разумным, что я мог сделать.

Послушайте, я ведь не предлагаю вам горевать по поводу того, откуда берутся *ваши* идеи.

Для вас – оптовые скидки

Если истории из этой книги расположить в хронологическом порядке, а не в странном хаотическом и-так-сойдет виде, как я теперь их собрал, эта история была бы самой первой. Однажды ночью в 1983-м я задремал, слушая радио. Засыпая, я слушал об оптовых закупках, а когда проснулся, по радио говорили о наемных убийцах. Вот откуда взялась эта история.

Я прочел много историй Джона Колльера²⁴, прежде чем написать эту. Перечитывая ее несколько лет назад, я понял, что она тоже принадлежит Джону Колльеру. Она не столь хороша, как другие его истории, и не так здорово написана; и все же это его история, хоть я того и не заметил, когда ее писал.

---

²⁴ *Джон Генри Нойес Колльер* (1901–1980) – британский писатель и сценарист. Его рассказы, пользовавшиеся успехом и высоко оцененные критикой, по жанру близки к фэнтези, они язвительно остроумны и мастерски сконструированы. Характерным для Джона Колльера является то, что названия многих его рассказов раскрывают некие факты, которые в противном случае стали бы сюрпризом в финале.

Одна жизнь в духе раннего Муркока

Когда меня попросили написать историю для антологии Майкла Муркока «Рассказы Элрика», я предпочел написать историю про мальчика, очень похожего на меня, и про его отношения с литературой. Я сомневался, что сумею сказать об Элрике, не опускаясь до стилизации, зато в мои двенадцать героин Муркока были для меня столь же реальны, как и все остальное в моей жизни, и даже намного реальнее, чем, предположим, уроки географии.

«Из всех рассказов сборника больше всего мне понравился ваш и Теда Уильямса, – сказал Муркок, когда мы случайно встретились в Новом Орлеане через несколько месяцев после того, как я его закончил. – Но его понравился больше, потому что там был Джими Хендрикс».

Название позаимствовано из рассказа Харлана Эллисона²⁵.

---

²⁵ Харлан Эллисон (р. 1934) – известный американский писатель-фантаст. Невероятно плодовит (автор двух тысяч рассказов и эссе), самый многократный лауреат премий по научной фантастике. Известен своим скандальным характером и сутяжничеством – подает в суд на всех, кто, по его мнению, нарушает его авторские права.

Холодные цвета

Мне много лет довелось сотрудничать с различными СМИ. Порой люди спрашивают, как я определяю, что именно буду писать. Чаще всего это бывают комиксы, или фильмы, или стихи, или проза, или романы, или короткие рассказы, или что-то еще. Когда садишься писать, обычно знаешь, что это будет.

Зато у этой истории сначала была идея. Я хотел высказаться об inferнальности машин, компьютеров, о черной магии, а также о Лондоне, который наблюдал в конце восьмидесятых, в эпоху финансового благополучия и морального банкротства. Было непохоже, что из нее получится рассказ или роман, тогда я попытался написать стихотворение, и у меня неплохо получилось.

Для сборника «Лондонские рассказы», выпущенного журналом «Тайм аут» («The Time Out Book of London Short Stories»), я переделал его в прозу, чем сильно озадачил многих читателей.

Сметающий сны

Все началось со скульптуры Лайзы Снеллингс, изображающей человека, который оперся на метлу. Возможно, он был чем-то вроде швейцара. Я задумался об этом, и так появилась эта история.

Чужие члены

Еще одна история из ранних. Я написал ее в 1984 году, а последнюю редакцию сделал в 1989-м (поспешно наложенный слой краски и немного раствора для самых возмутительных трещин). В 1984-м я не смог ее продать (научно-фантастическим журналам не нравилось, что она про секс, а секс-журналам не нравилось, что про болезнь). В 1987-м меня спросили, не хочу ли я продать ее для сборника научно-фантастических секс-рассказов, но я отказался. В 1984-м я написал историю о венерическом заболевании. В 1987-м та же самая история была уже как будто о другом. Возможно, сама история и не изменилась, зато общая ситуация изменилась очень резко: я имею в виду СПИД, – и история, хотел я того или нет, получилась о нем. Реши я ее переписать, мне пришлось бы это делать с учетом СПИДа, но я не мог. Эта болезнь была слишком серьезной, слишком малоизученной и слишком тяжелой, чтобы сказать о ней походя. Зато к 1989 году культурный пейзаж вновь переменился, сделался именно таким, в котором мне было если не комфортно, то по крайней мере менее некомфортно достать эту историю из долгого ящика, почистить, оттереть пятна и отправить в мир, на встречу с добрыми людьми. А потому когда редактор Стив Найлс спросил, нет ли у меня чего-нибудь неопубликованного для его сборника «Подписи без рисунков» («*Words Without Pictures*»), я отдал этот рассказ ему.

Я мог бы сказать, что моя история вовсе не о СПИДе. Но я бы солгал, по крайней мере отчасти. Ну а в наши дни СПИД уже стал – хорошо это или плохо – просто еще одной болезнью из арсенала Венеры.

На самом деле мне представляется, что моя история – об одиночестве и особости, и возможно, о радости обретения своего пути.

Вампирская сестина

Моя единственная удачная сестина (форма стихотворения, состоящего из шести строф; заключительные слова каждого стиха возвращаются в каждой строфе – в меняющемся порядке, в заключительных трех строках те же слова повторяются в середине и конце). Впервые опубликована в «Фантастических рассказах» («*Fantasy Tales*»), переиздана Стивом Джонсом в сборнике «Гигантская книга вампиров» («*Mammoth Book of Vampires*»), и в течение многих лет была моим единственным вампирским произведением.

МЫШЬ

Эта история была написана для составленного Питом Кроутером сборника про суеверия «Прикосновение к дереву» («*Touch Wood*»). Мне всегда хотелось написать рассказ в духе Раймонда Карвера²⁶ – ведь он добивался такой простоты. Пока писал свою историю, я понял, что это кажущаяся простота.

Боюсь, мне и в самом деле довелось слышать упомянутую в тексте радиопередачу.

---

²⁶ Раймонд Карвер (1938–1988) – американский поэт и новеллист, крупнейший мастер короткой прозы второй половины XX века.

Море меняет

Я написал эту историю в квартире на верхнем этаже крошечного дома, бывшего каретного сарая в Эрлз-корте. Меня вдохновила статуэтка Лайзы Снеллингс и воспоминание о пляже в Портсмуте, когда я был маленьким: дробный шум, производимый морем, когда волны откатываются по гальке назад. В то время я писал последнюю часть «Песочного человека» («*Sandman*»), которую назвал «Бурей», и обломки шекспировской пьесы с пеной и грохотом откатывались назад через эту историю точно так же, как и через мое сознание.

Как мы поехали смотреть конец света. Написала Дауни Морнингсайд, 11 лет

Однажды в Нортгемптоне мы с Аланом Муром (одним из лучших писателей и лучшим из известных мне людей) разговорились о том, что неплохо было бы придумать место действия наших историй. Эта история именно в таком месте и произошла. Когда-нибудь честные и добропорядочные горожане Нортгемптона сожгут Алана как колдуна, и это будет ощутимая потеря для мира.

Ветер пустыни

Однажды мне пришла кассета от Робина Андерса, больше всего известного как ударник в «Boiled in Lead»²⁷. К кассете было приложено письмо, в котором говорилось, что он хотел бы, чтобы я что-нибудь написал к одному из треков. Трек назывался «Ветер пустыни». Вот я и написал.

---

²⁷ «Boiled in Lead» — группа из Миннеаполиса, создана в 1983 г. В настоящее время Робин «Аднан» Андерс (Robin «Adnan» Anders) в состав группы уже не входит.

Хочу тебя попробовать

Эту историю я сочинял четыре года. Не потому, что холил и лелеял каждое слово, но потому, что стеснялся. Я писал абзац и откладывал ее в ожидании, пока краска стыда не сойдет с моих щек. И через четыре или пять месяцев снова к ней возвращался и писал следующий абзац. Начал я писать свой рассказ для эротической научно-фантастической антологии «Не зная границ. Рассказы об инопланетном сексе» («*Off Limits: Tales of Alien Sex*»), которую составила Эллен Датлоу. Дедлайн уже прошел, а я все никак не мог остановиться. Сосредоточившись на следующей странице, я пропустил и следующий дедлайн. Наконец однажды я позвонил Эллен Датлоу и довел до ее сведения, на случай моей безвременной кончины, что в моем компьютере есть наполовину написанный порнографический рассказ, что файл называется ДАТЛОУ, и что в этом нет ничего личного. Прошли еще два дедлайна, когда наконец, через четыре года после того, как был написан первый абзац, я закончил свою историю, и Эллен Датлоу и ее сообщник Терри Уиндлинг поместили ее в составленный ими сборник эротических рассказов-фэнтези «Сирены» («*Sirens*»).

По большей части эта история обязана своим появлением удивлению перед тем, что в беллетристике, когда герои занимаются любовью или просто сексом, они вообще не говорят. Мне не кажется, что история получилась эротической, но зато теперь, когда она уже написана, я перестал ее стесняться.

Когда животные ушли

Эту сказку я написал для благотворительной акции общества «Люди за этичное обращение с животными» (*People for the Ethical Treatment of Animals; PETA*). Мне кажется, она достигла своей цели. Это единственная вещь из тех, что когда-либо писал, которая выбила меня из колеи. В прошлом году, спускаясь по лестнице, я застал моего сына Майкла слушающим мой компакт-диск. Как раз началась «Когда животные ушли», и это застало меня врасплох, поскольку я услышал голос, который с трудом признал.

Для вашего сведения: я ношу кожаный пиджак и ем мясо, но с младенцами обращаюсь очень хорошо.

Убийственные тайны

Когда я придумал эту историю, она называлась «Город ангелов». Но к тому времени, когда начал ее писать, на Бродвее уже шло шоу с таким названием, а потому, дописав, я дал ей новое имя.

«Убийственные тайны» были написаны для Джесси Хорстинг из «Миднайт граффити», которая составила сборник рассказов с таким же названием, «Полуночные граффити» («*Midnight Graffiti*»). Участие Пита Аткинса, которому я посылал факсом вариант за вариантом, когда писал и переписывал, невозможно переоценить, так же, как его бесконечное терпение и доброе расположение.

В том, что касается детективной составляющей, я пытался действовать честно. Всюду есть подсказки, и даже одна – в названии.

Снег, зеркало, яблоки

Это еще одна история, которая получила свое рождение благодаря сборнику Нила Филипа «Английские народные сказки» («*The Penguin Book of English Folktales*»). Я читал ее в ванне, именно там я прочел сказку, которую, должно быть, читал уже тысячу раз. (У меня даже имеется книжка с иллюстрациями, которую я помню с трех лет.) Но в этот тысячу первый раз я был очарован и принялся обдумывать историю, в которой все было бы задом наперед совсем наоборот. Она на несколько недель засела в моей голове и наконец, в самолете, я начал писать ее от руки. Когда самолет приземлился, она была готова на три четверти, так что я зарегистрировался в отеле, уселся на стул в углу комнаты и продолжил писать, пока не закончил.

Она была опубликована «ДримХейвен пресс» («*DreamHaven Press*») в малотиражном буклете в пользу Фонда юридической защиты комиксов (*Comic Book Legal Defense Fund*; организации, которая защищает права создателей комиксов, их издателей и ретейлеров). Поппи З. Брайт перепечатала ее в своем сборнике «Тщетная любовь-2» («*Love in Vein II*»).

Я люблю думать об этой истории как о вирусе. Прочитав ее, вы уже не сможете воспринимать оригинальную сказку так, как прежде.

Я хотел бы поблагодарить Грегга Кеттера, чья «ДримХейвен пресс» опубликовала некоторые из вошедших в эту книгу рассказов в «Ангелах и Божьей каре» («*Angels and Visitations*»), маленьком альманахе беллетристики, рецензий, статей, и прочего, написанного мною, и кто также издал остальные рассказы в двух небольших брошюрах, напечатанных в пользу вышеозначенного фонда.

Хочу поблагодарить множество редакторов, которые заказали, одобрили и издали истории из этой книги, и всех бета-тестеров (они сами знают, кого я имею в виду), кто разбирал мой почерк, получал мои факсы и е-мейлы и кто читал то, что я присылал, и говорил мне, часто нелицеприятно, о том, что нуждается в доработке. Всем им мои благодарности. Дженнифер Херши опекала эту книгу, от замысла до воплощения в жизнь, с терпением, обаянием и редакторской мудростью. Я не могу найти для нее слов благодарности. Моя благодарность также Дугу Янгу – за его терпение и помощь.

Каждая из этих историй – лишь золотистый блик на случайных вещах, и веса в ней не больше, чем в облачке дыма. Они – послания из Страны Зеркал, картинки в бегущих облаках: дым и зеркала – только и всего. Но мне нравилось их писать, а теперь нравится мысленно представлять их и еще приятно думать, что их читают.

Добро пожаловать.

Нил Гейман

Галантность

Миссис Уайтекер нашла Священный Грааль; он лежал внизу, под шубой.

Каждый четверг она отпраплялась днем на почту, за пенсией, хоть ноги были уже не те, и на обратном пути ей приходилось заворачивать в «Оксфам» и заодно покупать себе разную ерунду.

В «Оксфаме» торговали поношенной одеждой, безделушками, необычными вещицами, всяким хламом, старыми книжками в мягких обложках, и все это были пожертвования: обломки чьей-то жизни, часто имущество покойников. А доход от торговли шел на благотворительность.

В магазине работали добровольцы. В тот день здесь дежурила Мэри, семнадцати лет, немного полная, одетая в мешковатый сиреневый джемпер, возможно, здесь же и купленный.

Мэри сидела за кассой с журналом «Современная женщина» и заполняла опросник «Открой свою потаенную сущность». Время от времени она заглядывала на последнюю страницу, проверяя, во сколько баллов оценен ответ А, В и С, прежде чем самой определиться с ответом.

Миссис Уайтекер слонялась по магазину.

Чучело кобры все еще не продано, отметила она. Оно тут пылилось уже полгода, и его стеклянные глаза злобно пялились на стойки с одеждой и витрину с оббитыми фарфоровыми и замызганными мягкими игрушками.

Проходя мимо, она потрепала чучело по голове.

Миссис Уайтекер прихватила с полки пару романов издательства «Милд энд Бун» «Ее громоподобная душа» и «Ее беспокойное сердце», по пять пенсов за штуку, – и призадумалась над пустой бутылкой из-под «Матеуша розе» с декоративным абажуром, но все же решила, что ей, в сущности, некуда ее поставить.

Отодвинув сильно ношенную шубу, которая противно пахла нафталиновыми шариками, она обнаружила трость и раскисший от влаги «Рыцарский роман, или Легенду о галантности» А. Р. Хоупа Монкрифа²⁸, оцененный в пять пенсов. Рядом с книгой, на боку, лежал Святой Грааль. К его основанию был приклеен стикер, на нем перьевой ручкой выведено: «30 пенсов».

Миссис Уайтекер взяла пыльный серебряный кубок и оценивающе осмотрела его поверх очков.

– Симпатичный, – обратилась она к Мэри. Та пожала плечами. – Неплохо будет смотреться на каминной полке.

Мэри вновь пожала плечами.

Миссис Уайтекер дала Мэри пятьдесят пенсов и получила сдачу и коричневый бумажный пакет, чтобы сложить в него книги и Святой Грааль. По дороге домой она завернула к мяснику и купила себе немного отличной говяжьей печени.

Изнутри кубок был покрыт толстым слоем бурой пыли. Миссис Уайтекер осторожно его помыла и оставила на час отмокать в теплой воде с уксусом. Ей пришлось долго его полировать, пока он не заблестел, и тогда она поставила кубок в гостиную на каминную полку, между трогательной фарфоровой собачкой и фотографией покойного мужа, сделанной на фринтонском пляже в 1953 году.

Она оказалась права: получилось и впрямь симпатично.

В тот вечер миссис Уайтекер поужинала печенью, обжаренной с луком в панировке. Ужин удался на славу.

---

²⁸ А. Р. Хоуп-Монкриф (1846–1927) – английский писатель, издававшийся под псевдонимом *Аскот Р. Хоуп*. Писал книги для детей, героями которых были школьники и Неизвестный Рыцарь.

Следующим днем была пятница, а по пятницам миссис Уайтекер и миссис Гринберг ходили друг к другу в гости. В тот день была очередь миссис Гринберг. Они сидели в гостиной и угощались миндальными бисквитами и чаем. Миссис Уайтекер пила чай с одним кусочком сахара, а миссис Гринберг – с подсластителем, который всегда носила с собой.

– Очень мило, – сказала миссис Гринберг, указывая на кубок. – А что это?

– Святой Грааль, – ответила миссис Уайтекер. – Чаша, из которой пил Христос на Тайной вечере. Когда Христа распяли, в нее собрали Его драгоценную кровь, после того как центурион пронзил Его копьем.

Миссис Гринберг фыркнула. Это была маленькая еврейка, которая не выносила антисанитарии.

– Не знаю я всего этого, – сказала она. – И знать не хочу. Но смотрится очень неплохо. Нашему Майрону такой вручили, когда он победил на соревнованиях по плаванию, только там сбоку написано его имя.

– Он все еще встречается с той милашкой? Парикмахершей?

– С Бернис? Ну да. Они подумывают о помолвке.

– Как мило! – сказала миссис Уайтекер и взяла еще бисквит.

Миссис Гринберг сама их пекла и всегда приносила к чаю: маленькие сладкие румяные бисквиты, сверху посыпанные стружками миндаля.

Они поговорили о Майроне и Бернис, о Рональде, племяннике миссис Уайтекер (своих детей у нее не было) и об их приятельнице миссис Перкинс, которая лежала, бедняжка, в больнице с переломом шейки бедра.

В полдень миссис Гринберг отправилась домой, миссис Уайтекер приготовила себе на ланч тост с сыром, а после ланча приняла таблетки: белую, красную и две маленькие оранжевые.

В дверь позвонили.

Миссис Уайтекер пошла открывать. На пороге стоял молодой человек с волосами до плеч, очень светлыми, словно седыми, на нем были сверкающие серебряные доспехи и белый плащ.

– Здравствуйте, леди, – сказал он.

– Здравствуйте, – ответила миссис Уайтекер.

– Прибыл сюда на поиски.

– Очень интересно, – сдержанно ответила миссис Уайтекер.

– Не позволите ли войти? – спросил он.

Миссис Уайтекер покачала головой:

– Извините, боюсь, что нет.

– Разыскиваю Святой Грааль, – сказал молодой человек. – Ведь он у вас?

– А документы какие-нибудь у вас есть? – спросила миссис Уайтекер. Она понимала, что глупо пускать в дом незнакомца без документов, тем более когда ты в возрасте и живешь на пенсию. Запросто могут ограбить или еще что похуже.

Молодой человек спустился вниз по садовой тропинке. К ее калитке был привязан огромный серой масти боевой конь, смахивавший на тяжеловоза, с высоко поднятой головой и умными глазами. Порывшись в седельной сумке, рыцарь вернулся со свитком.

В свитке, подписанном Артуром, королем всех бриттов, доводилось до сведения всех лиц любого рода и звания, что податель сего, Галахад, рыцарь Круглого стола²⁹, находится в Воистину Праведном и Благородном Поиске. Ниже прилагался его рисованный портрет. Сходство вполне улавливалось.

---

²⁹ *Галахад* – рыцарь Круглого стола Короля Артура; один из тех, кто искал Святой Грааль. В легендах, где он фигурирует, подчеркивается его непорочность и покровительство ему высших сил и судьбы, а также его необычайная галантность. Галахад оказывается единственным рыцарем, которому Грааль дается в руки, после чего Галахад возносится на небеса.

Миссис Уайтекер кивнула. Вообще-то она ожидала увидеть удостоверение с фотокарточкой, но свиток был даже более красноречив.

– Пожалуй, вам лучше войти, – сказала она.

На кухне миссис Уайтекер налила рыцарю чаю и провела в гостиную.

Увидев на каминной полке Святой Грааль, Галахад преклонил перед ним колено. Чашку с чаем он аккуратно поставил на бурый ковер. Полоска света, пробившаяся через тюлевые занавески, озарила его благоговейное лицо золотистым светом, превратив волосы рыцаря в серебряный ореол.

– Воистину это Святой Грааль, – сказал он спокойно и трижды быстро моргнул, словно желая прогнать слезу, набежавшую на бледно-голубые глаза.

И склонил голову в безмолвной молитве.

Наконец Галахад встал и повернулся к миссис Уайтекер.

– Благородная леди, хранительница Святая Святых, позвольте мне теперь отбыть из этой обители с Благословенной Чашей, ибо мои странствия окончены, а мой священный долг исполнен.

– Простите? – не поняла миссис Уайтекер.

Галахад подошел к ней и взял ее старческие руки в свои.

– Поиски окончены, – сказал он. – Святой Грааль предо мной.

Миссис Уайтекер поджала губы:

– Вы не могли бы поднять с пола чашку с блюдцем?

Галахад, извинившись, исполнил ее просьбу.

– Нет. Я так не думаю, – сказала миссис Уайтекер. – Мне бы хотелось, чтобы он остался здесь. Ему здесь самое место, между собачкой и фотографией моего Генри.

– Возможно, мне следует заплатить вам золотом? Не так ли? Я готов принести вам золота, леди...

– Нет. Не нужно мне никакого золота, спасибо. Просто не хочу и все, – сказала миссис Уайтекер, выпроваживая рыцаря к входной двери. – Рада была познакомиться.

Конь, упершись головой в забор, щипал ее гладиолусы. Несколько соседских ребятишек замерли на тротуаре, наблюдая.

Галахад достал из седельной сумки пару кусочков сахара и предложил самому храброму из них угостить коня. Дети захихикали, и к нему потянулись сразу несколько раскрытых ладоней. А одна девочка постарше погладила коня по морде.

Галахад грациозно вскочил на коня, и тот зацокал копытами вниз по Хауторн Креснт.

Миссис Уайтекер провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду, и, вздохнув, вернулась в дом.

Уикенд прошел спокойно.

В субботу миссис Уайтекер поехала на автобусе в Мейрсфилд проведать племянника Рональда, его жену Юфонию и дочек, Клариссу и Диллиан. Она привезла им смородиновый пирог собственного приготовления.

В воскресенье утром миссис Уайтекер отправилась в церковь. Она ходила в церковь Святого Иакова Меньшего, которая была слишком большой («Это не просто церковь, но место, где радостно встречаются единомышленники») для того, чтобы миссис Уайтекер чувствовала себя в ней вполне комфортно, но ей нравился викарий, преподобный Варфоломей, правда, когда он не играл на гитаре.

После службы она хотела было сказать ему, что у нее в гостиной стоит Святой Грааль, но передумала.

В понедельник миссис Уайтекер была занята в саду за домом. У нее был небольшой травяной сад, которым она ужасно гордилась: укроп, вербена, мята, розмарин, тимьян и буй-

ные заросли петрушки. Надев грубые зеленые перчатки для садовых работ и опустившись на колени, она полола свой садик и собирала в полиэтиленовый пакет слизняков.

К слизнякам миссис Уайтекер проявляла редкое добросердечие. Она относилась к ним в дальний конец своего сада, который граничил в железной дорогой, и выбрасывала за забор.

Она срезала петрушку для салата, когда за ее спиной раздался кашель. Это был Галахад, высокий и прекрасный, в своих сверкающих на солнце доспехах. Он держал в руках что-то длинное, завернутое в промасленную кожу.

– Я вернулся, – сказал он.

– Здравствуйте, – сказала миссис Уайтекер. Она медленно выпрямилась и сняла свои перчатки. – Что ж, раз вы здесь, могли бы мне помочь.

Она протянула ему пакет со слизняками и велела выбросить их за забор.

И они пошли на кухню.

– Чаю или лимонаду? – спросила она.

– То же, что и вам, – ответил Галахад.

Миссис Уайтекер достала из холодильника кувшин с лимонадом собственного приготовления и послала Галахада сорвать веточку мяты. Еще она достала два высоких стакана, осторожно ополоснула мяту, положила в каждый стакан по несколько листиков и налила лимонад.

– Ваш конь остался у калитки? – спросила она.

– О да. Его зовут Гриззел.

– И вы, кажется, долго сюда добирались.

– Да, очень долго.

– Понятно, – сказала миссис Уайтекер. Она достала из-под раковины синюю пластмассовую миску и наполовину наполнила водой. Галахад отнес ее Гриззелу, подождал, покуда конь напился, и вернул пустую миску хозяйке.

– Что ж, – сказала она, – как я понимаю, вы снова за Граалем.

– О да, ведь я все еще ищу его. – Он поднял с пола свой сверток, положил на скатерть и развернул. – За Грааль я предлагаю вам вот это.

Это был меч с клинком длиной почти четыре фута, сплошь испещренным изящно выгравированными словами и символами. Рукоять была отделана золотом и серебром, а в навершии сиял большой драгоценный камень.

– Очень красивый, – нерешительно заметила миссис Уайтекер.

– Это Бальмунг, изготовленный Велундом Смитом³⁰ в стародавние времена. Его брат-близнец зовется Фламберг³¹. Кто носит его, непобедим в войнах и неукротим в сражениях. Кто носит его, всегда храбр и благороден. Рукоять меча украшает сардоникс Биркон, он защитит своего хозяина от яда, подсыпанного в вино или эль, и от предательства друзей.

Миссис Уайтекер уставилась на меч.

– Он, должно быть, очень острый, – сказала она помолчав.

– Им можно разрубить надвое упавший с головы волос. И даже разрезать солнечный луч, – гордо сказал Галахад.

– Тогда, наверное, его лучше убрать, – сказала миссис Уайтекер.

– Он вам не понравился? – разочарованно спросил Галахад.

– Нет, благодарю, – сказала миссис Уайтекер.

---

³⁰ *Бальмунг* – меч Зигфрида, одного из важнейших героев германо-скандинавской мифологии. *Велунд* (*Weyland*) – персонаж мифов и литературы Европы. Первоначально – бог-кузнец. С распространением христианства он, как и многие другие языческие боги, приобрел бесовские черты. Фамилия Велунда (*Смит*) – шутка автора, связанная с названием погребального кургана в Оксфордшире – Вейланд-Смити («кузница Велунда»).

³¹ *Фламберг* – меч с клинком волнистой (пламевидной) формы. Применялся в Европе (в особенности в Швейцарии и Германии) в XV–XVII веках. Мечи-фламберги были сложны в изготовлении и очень дороги. Из-за особенностей заточки клинка раны, нанесенные фламбергом, практически не заживали.

Ей пришло в голову, что ее покойному мужу Генри меч бы наверняка понравился. Он повесил бы его на стену в кабинете, рядом с чучелом карпа, пойманного в Шотландии, и хвастал бы перед гостями.

Галахад завернул Бальмунг в промасленную кожу и перевязал веревкой.

Он был расстроен.

Миссис Уайтекер приготовила ему сэндвичей со сливочным сыром и огурцом на обратную дорогу, завернув их в плотную бумагу, и дала яблоко для коня. Кажется, Галахаду это было приятно.

А она помахала ему на прощанье.

В тот день она ездила на автобусе в больницу к миссис Перкинс, которую все не выписывали, бедняжку. Миссис Уайтекер испекла для нее кекс с цукатами, но без орехов, от которых пришлось отказаться, поскольку зубы у миссис Перкинс были уже не те.

Вечером она немного посмотрела телевизор и рано легла спать.

Во вторник в дверь позвонил почтальон. Миссис Уайтекер как раз была наверху в кладовке, где медленно и тщательно, шаг за шагом, наводила порядок, и подойти не успела. Почтальон оставил записку, в которой говорилось, что он принес посылку, но никого не оказалось дома.

Миссис Уайтекер вздохнула.

Она положила записку в сумочку и отправилась на почту.

Посылка была от племянницы Ширеллы из Сиднея, Австралия. Она прислала фотографии своего мужа Уолласа и двух дочерей, Дикси и Вайолет, а также ракушку, обернутую в вату.

Миссис Уайтекер хранила много таких ракушек в своей спальне. На самой любимой красовался выполненный эмалью вид на Багамы. Это был подарок сестры Этель, умершей в 1983 году.

Она положила ракушку и фотографии в сумку, с которой ходила за покупками, и заглянула в «Оксфам»: все равно по пути.

– Здравствуйте, миссис У, – сказала Мэри.

Миссис Уайтекер уставилась на нее. Губы покрашены (возможно, не совсем подходящим оттенком и не очень ровно, но это, решила миссис Уайтекер, со временем придет), и в элегантной юбке. Большое достижение.

– А, здравствуйте, милочка, – ответила миссис Уайтекер.

– На прошлой неделе заходил тут один, спрашивал о той вещи, что вы купили. О металлической чашке. Я сказала ему, как вас найти. Надеюсь, вы ничего не имеете против?

– Нет, дорогуша, – сказала миссис Уайтекер. – И он меня нашел.

– Он такой необыкновенный! В самом деле необыкновенный, – шумно вздохнула Мэри. – В такого я могла бы влюбиться. И он был на большой белой лошади и все такое.

Она и спину прямее держит, с одобрением заметила миссис Уайтекер.

С книжной полки она взяла новый роман «Ее величественная страсть», хоть и не прочла еще два предыдущих, купленных в прошлый раз.

Взяла она и «Рыцарский роман, или Легенду о галантности» и даже его открыла. На нее пахло плесенью. На самом верху первой страницы красными чернилами было аккуратно написано: «EX LIBRIS Фишера».

Она поставила книгу на место.

Когда миссис Уайтекер вернулась домой, Галахад ее уже дождался. Он катал на своем Гриззеле детишек вдоль по улице.

– Я рада, что вы здесь, – сказала она. – Мне как раз нужно кое-что передвинуть.

Она отвела его в чулан, где он переставил ей старые чемоданы, и теперь она могла без труда добраться до дальнего буфета.

Там было очень пыльно.

Почти до вечера он двигал с места на место вещи, а она убиралась.

На щеке у Галахада был шрам, а одна рука плохо сгибалась.

Они немного поговорили, пока она мела и терла. Миссис Уайтекер рассказала ему о своем покойном муже Генри; и как благодаря страховке удалось уплатить за дом; и вон сколько у нее вещей, а оставить некому, разве что Рональду и его жене, но они-то любят все современное. Она рассказала, как познакомилась с Генри во время войны, когда он был в отряде противовоздушной обороны, а она неплотно закрыла на кухне шторы; и о дешевых танцплощадках, куда они ходили; и как, когда война закончилась, поехали в Лондон, где она впервые попробовала вино.

Галахад рассказал ей о своей матери Элейне³², более взбалмошной, чем это вообще возможно и к тому же отчасти ведьме; о бабушке, короле Пелесе³³, благородном, но немного рассеянном; о юности в замке Бриант на острове Радости; о своем отце, в известном смысле полном безумце, которого он знал как Рыцаря Печального Образа и который на самом деле был Ланселотом Озерным, величайшим из рыцарей, но скрывавшимся и выжившим из ума; и о том, как, будучи молодым оруженосцем, проводил свои дни в Камелоте.

В пять часов миссис Уайтекер, обозрев дела рук своих, решила, что они достойны одобрения; она открыла окно, чтобы проветрить, и они спустились на кухню, где она поставила чайник.

Галахад сел за стол.

Из кожаного кошелька на поясе он достал круглый белый камень размером с шарик для крикета.

– Это вам, моя леди, – сказал он, – в обмен на Святой Грааль.

Миссис Уайтекер взяла камень, который с виду не казался таким тяжелым, и поднесла его к свету. Он был молочного цвета, полупрозрачным, а внутри, в лучах предзакатного солнца, поблескивали серебряные искорки. Камень был теплым.

И откуда она его держала, ее охватило странное чувство. В глубине души она вдруг ощутила мир и покой. *Безмятежность*, пришло в голову верное слово; она была безмятежной.

Неохотно она положила камень обратно на стол.

– Очень красивый, – сказала она.

– Это Философский камень, который наш предок Ной повесил в Ковчеге, чтобы был свет, когда не было света; он способен превращать в золото низкие металлы; но у него есть и другие свойства, – торжественно объяснил Галахад. – И это не все. Есть еще кое-что. Вот.

Из кожаной сумы он достал яйцо и протянул ей. Размером с гусиное, оно было блестящего черного цвета с алыми и белыми пятнами. Когда миссис Уайтекер его коснулась, волосы у нее на затылке встали дыбом.

В первый момент она ощутила непереносимый жар и свободу. Она слышала потрескивание далеких огней, и на долю секунды словно воспарила над миром, поднимаясь и опускаясь на огненных крыльях.

Она положила яйцо на стол, рядом с Философским камнем.

– Это яйцо птицы Феникс, – сказал Галахад, – из далекой Аравии. В один прекрасный день из него вылупится птица Феникс; а когда настанет срок, птица совет огненное гнездо, отложит в него яйцо и умрет, чтобы возродиться из пламени в другие времена.

– Я почему-то так и подумала, – сказала миссис Уайтекер.

– А в довершение ко всему, леди, – сказал Галахад, – я принес вам вот это.

---

³² Элейн – дочь короля Пелеса, соблазнившая Ланселота. От этой связи родился благословенный Галахад, которому было суждено найти Святой Грааль.

³³ Пелес (в ранних мифах – *Король-рыбак*) – персонаж легенд о рыцарях Круглого Стола. Хранитель Святого Грааля.

Он достал из сумы и отдал ей яблоко, вырезанное из цельного рубина, и на янтарной подставке.

Не без волнения она взяла его в руки. Яблоко оказалось неожиданно мягким: пальцы оставили вмятину, а по руке побежала струйка рубинового сока.

Кухня наполнилась почти неосязаемым, волшебным запахом летних фруктов, малины, и персиков, и земляники, и красной смородины. И словно из далекой дали она смутно слышала поющие голоса и музыку эфира.

– Это яблоко из сада Гесперид, – тихо сказал Галахад. – Вкусив от него, можно исцелиться от любой болезни или раны, сколь бы глубокой она ни была; снова вкусив, можно вернуть молодость и красоту; вкусив в третий раз, по слухам, можно обрести бессмертие.

Миссис Уайтекер слизнула с руки липкий сок. На вкус он был как тонкое вино.

На одно мгновение ей вдруг вспомнилось, каково это, быть молодой: когда у тебя упругое, стройное тело, которое тебе подвластно, и ты можешь неприлично скоро просто так мчаться по переулку, и когда при виде твоей радости и непосредственности тебе улыбаются встречные мужчины.

Миссис Уайтекер взглянула на сэра Галахада, самого красивого из рыцарей, который сидел на ее кухне, такой прекрасный и благородный.

Она перевела дух.

– Это все, что я вам принес, – сказал Галахад. – И мне не просто было их раздобыть.

Миссис Уайтекер положила на свой кухонный стол наливное яблоко. Она посмотрела на Философский Камень, на Яйцо птицы Феникс, и на Яблоко Жизни.

Потом пошла к себе в гостиную и взглянула на каминную полку: на фарфоровую собачку, и на Святой Грааль, и на черно-белую фотографию покойного Генри, без рубахи, улыбающегося, с мороженым в руке, почти сорок лет тому назад.

И вернулась на кухню. Чайник уже засвистел. Ополоснув кипятком заварочный чайник, она положила в него две и еще одну чайную ложку заварки и залила водой. И все это не проронив ни слова.

Наконец повернулась к Галахаду.

– Заберите это яблоко, – твердо сказала она. – Вам не следует предлагать подобные вещи старым дамам. Так не годится. – Она немного помолчала. – Остальное я возьму. Они неплохо будут смотреться на каминной полке. Две вещи за одну, иначе я не согласна.

Галахад просиял. Он убрал рубиновое яблоко в суму, опустил на колено и поцеловал ей руку.

– Довольно, – сказала миссис Уайтекер.

Она налила им чаю в чашки из своего лучшего сервиза, который доставала по особым случаям.

Чай они пили в молчании.

А когда с ним было покончено, перешли в гостиную.

Галахад перекрестился и забрал Святой Грааль.

Миссис Уайтекер поставила на его место Яйцо и Камень. Яйцо немного кренилось на одну сторону, и его пришлось прислонить к фарфоровой собачке.

– Смотрятся очень мило, – сказала миссис Уайтекер.

– Да, – согласился Галахад. – Очень мило.

– Может, возьмете с собой чего-нибудь? – спросила она.

Он покачал головой.

– Хотите кекса? – предложила она. – Может статься, сейчас вы решите, что вам его совсем не хочется, а через несколько часов будете ему рады. И возможно, вам следует зайти в одно место. Давайте-ка, я вам его заверну.

Она проводила его до крохотной туалетной комнаты в конце коридора, а сама пошла на кухню со Святым Граалем в руках. В кладовке у нее осталось с Рождества немного оберточной бумаги, она завернула в нее Чашу и перевязала бечевкой. Потом отрезала большой кусок кекса с цукатами и орехами и положила его в коричневый бумажный пакет, вместе с бананом и ломтиком сыра в серебряной фольге.

Когда Галахад вышел, она передала ему бумажный пакет и Святой Грааль, а потом поднялась на цыпочки и поцеловала в щеку.

– Ты хороший мальчик, – сказала она. – Будь осторожен.

Он обнял ее, и она выпроводила его из дома и захлопнула дверь. Налила себе еще чашечку чая и тихо плакала в бумажный платочек, слушая цоканье копыт по Хоуторн Креснт.

В среду миссис Уайтекер никуда не выходила.

А в четверг отправилась на почту за пенсией. И на обратном пути зашла в «Оксфам».

Женщина за кассой была ей незнакома.

– А где Мэри? – спросила миссис Уайтекер.

Женщина с подкрашенными в синеву седыми волосами и в синих очках, на оправе которых посверкивали звездочки, покачала головой и пожала плечами.

– Сбежала с молодым человеком, на лошади. Хм. Я вас спрашиваю. Мне сегодня нужно быть в центре, в «Хасфилде». Меня сменит мой Джонни, пока мы найдем кого-нибудь еще.

– Ну, – сказала миссис Уайтекер, – это хорошо, что она нашла себе молодого человека.

– Ей-то, может, и хорошо, – сказала дама на кассе, – а кое-кому сегодня нужно быть в «Хасфилде».

На полке у задней стены миссис Уайтекер обнаружила старый, весь в пятнах, серебряный сосуд с длинным носиком. Приклеенный сбоку ценник свидетельствовал, что он оценен в шестьдесят пенсов. Сосуд был похож на гладкий, удлинненный заварочный чайник.

Она взяла еще один роман из серии издательства «Миллс энд Бун», который прежде не читала. Он назывался «Ее одинокая любовь». С книгой и серебряным сосудом подошла к кассе.

– Шестьдесят пять пенни, дорогуша, – сказала кассирша, взяв у нее из рук сосуд и разглядывая его. – Забавная старая вещица, не правда ли? Этим утром поступила. – На боку сосуда и ручке изящной вязью были выгравированы иероглифы. – Это, должно быть, соусник.

– Нет, не соусник, – сказала миссис Уайтекер, которая точно знала, что это такое. – Это лампа.

Коричневой бечевкой к ручке было привязано маленькое, ничем не примечательное медное колечко.

– Вообще-то, – сказала миссис Уайтекер, – я, пожалуй, возьму только книгу.

Она заплатила пять пенсов за роман и отнесла лампу на место, туда, где ее нашла. В конце концов, сказала себе миссис Уайтекер по дороге домой, мне было бы некуда ее поставить.

Николас Был

...старше первородного греха, и голова у него была белее белого. Ему хотелось умереть. Малорослые обитатели пещер Севера не знали его языка, они говорили на собственном наречии, напоминавшем птичий щебет, и совершали непонятные ритуалы, когда не были заняты повседневной работой.

Раз в год, несмотря на его протесты и рыдания, они изгоняли его в Бесконечную Ночь. За одну эту ночь он должен был проведать каждого в мире ребенка, оставив возле кровати один из невидимых даров пославших его карликов, покуда детишки спали в ледяных объятиях времени.

Он завидовал Прометею и Локи, Сизифу и Иуде³⁴. Его наказание было суровее.
Ох. Хо. Хо.

---

³⁴ *Прометей* – в древнегреческой мифологии титан; в наказание за то, что даровал людям огонь, Зевс приказал приковать его к скале. Каждый день к Прометею прилетает орел и клюет его вновь отрастающую печень. *Локи* – божество в германо-скандинавской мифологии; за оскорбление богов прикован ими к скале кишками собственного сына. Над головой его висит змея, изо рта которой капает яд прямо ему на лицо. *Сизиф* – в древнегреческой мифологии строитель и царь Коринфа; за проступки при жизни (да и после смерти) боги приговорили его к наказанию – вечно втаскивать на гору тяжелый камень, который снова и снова скатывается вниз. *Иуда Искариот* – один из апостолов; тот самый, который предал Иисуса Христа; раскаявшись, повесился.

Цена

У бродяг и бездомных принято оставлять знаки на воротах и деревьях и дверях, благодаря которым такие, как они, могут понять, кто живет в домах и фермах, попадающихся им на пути. Мне представляется, что кошки тоже оставляют подобные знаки; иначе чем объяснить, что именно под нашими дверьми весь год напролет появляются голодные, блохастые, бездомные кошки?

Мы даем им приют. Избавляем от блох и клещей, кормим и отвозим к ветеринару. Платим за прививки и – что, конечно, возмутительно – кастрируем и стерилизуем.

И они остаются с нами: на несколько месяцев, на год или навсегда.

Чаще всего они появляются летом. Мы живем как раз на таком удалении от города, куда городские жители выбрасывают их, выживать.

Больше восьми кошек кряду у нас, кажется, не живет, и редко случается, чтобы их было меньше трех. В настоящий момент кошачье население моего дома состоит из: Гермiony и Поды, соответственно полосатой и черной, бешеных сестричек, которые живут наверху, в моем кабинете, и не общаются с другими; Снежинки, голубоглазой белой длинношерстой кошечки, которая много лет жила в лесу прежде чем отказалась от своих диких повадок в пользу мягких диванов; и последней, но самой крупной – Фербол, длинношерстой черно-бело-оранжевой, похожей на подушку дочери Снежинки, которую крошечным котенком я обнаружил однажды в нашем гараже, придушенную и почти мертвую, так как ее голова запуталась в старой сетке для бадминтона, и которая, к нашему удивлению, не умерла, но выросла и превратилась в самую покладистую кошку, какую я когда-либо встречал.

И наконец еще Черный Кот. Другого имени у него нет, просто Черный Кот, а появился он почти месяц назад. Вначале мы не поняли, что он собирается остаться здесь жить: он выглядел слишком упитанным, чтобы быть беспризорным, слишком взрослым и бойким, чтобы считаться брошенным. Он был похож на маленькую пантеру, а в ночи казался огромным темным пятном.

Однажды я обнаружил его на нашей старой веранде: примерно восьми или девяти лет от роду, самец, с желто-зелеными глазами, очень дружелюбный и невозмутимый. Я решил, что он живет где-то по соседству.

На несколько недель я уехал, чтобы закончить работу над книгой, а когда вернулся, он все еще жил на веранде и спал в старой кошачьей корзинке, которую принесли ему дети. И при этом он изменился до неузнаваемости. У него было несколько залысин и глубокие царапины на шкурке. Кончик одного уха был оборван. Под глазом – глубокая рана и порвана губа. Он похудел и выглядел измученным.

Мы отвезли Черного Кота к врачу, где нам дали антибиотики, которые мы скармливали ему вместе с кошачьими консервами.

Нам было любопытно, с кем он сражался. С нашей прекрасной белой полудикой Снежинкой? С енотами? С клыкастым крысохвостым опоссумом?

После каждой ночи шрамов становилось все больше, и однажды у него оказался прокушен бок; в другой раз живот был расплосован глубокими царапинами, которые при прикосновении кровоточили.

Когда дошло до такого, я отнес его в подвал, чтобы он мог оправиться у печи, среди груды коробок. Он оказался на удивление тяжелым, этот Черный Кот, и в подвал я отнес его в корзинке, вместе с лотком, едой и водой. Я плотно закрыл за собой дверь. А когда поднялся наверх, мне пришлось помыть руки, так как они были в крови.

Он оставался в подвале четыре дня. Вначале он был так слаб, что не мог даже есть: раненый глаз заплыл, когда ходил, он прихрамывал, и его шатало от слабости, а из рваной губы сочился желтый гной.

Я приходил к нему утром и вечером, кормил, давал антибиотики, которые смешивал с едой, обрабатывал гноящиеся раны и говорил с ним. В довершение ко всему у него был понос, и хоть я менял содержимое лотка ежедневно, от лотка ужасно воняло.

Четыре дня, которые Черный Кот провел у меня в подвале, были ужасными для моей семьи: крошечная дочка поскользнулась в ванне, ударилась головой и едва не утонула; я узнал, что от проекта, в который я вложил душу (переработка для Би-би-си романа Хоуп Миррлиз «Луд в тумане»³⁵), компания отказалась, и у меня не было сил начинать с нуля, предлагая его другим каналам или другим СМИ; дочь, уехавшая в летний лагерь, стала забрасывать нас душераздирающими письмами и открытками, по пять-шесть на дню, умоляя забрать ее оттуда; сын чуть не подрался с лучшим другом, и они больше не общались; а жена, возвращаясь вечером домой, сбила оленя, который выбежал на дорогу прямо перед автомобилем. Олень погиб, машина была разбита, а у жены оказалась рассечена бровь.

На четвертый день кот прихрамывая бродил по подвалу, в нетерпении изучая стопки книг и комиксов, коробки с письмами и кассетами, картинками, и подарками, и прочим имуществом. Он принялся мяукать, чтобы я выпустил его, и хоть и неохотно, я это сделал.

Он вернулся на веранду, где проспал остаток дня.

На следующее утро у него на боках появились новые глубокие царапины, а пол веранды был усеян клочьями черной шерсти.

В письмах, которые пришли от дочери в тот день, говорилось, что в лагере не так уж плохо и она продержится там еще несколько дней; сын и его друг разрешили свои разногласия, и я так никогда и не узнал, что послужило причиной ссоры, коллекционные карты, компьютерные игры, «Звездные войны» или Девочка. Оказалось, что продюсер Би-би-си, наложивший вето на «Луда в тумане», брал взятки (или «сомнительные кредиты») у независимой кинокомпании, за что был отправлен в бессрочный отпуск, а его преемница, о чем я с радостью узнал из ее факса, как раз и предложила мою кандидатуру на этот проект, перед своим уходом из Би-би-си.

Я подумывал было вернуть Черного Кота обратно в подвал, но не стал этого не делать. Взамен я решил выяснить, что за животное каждую ночь приходит в наш дом, и разработать план его возможной поимки.

На дни рождения и Рождество моя семья дарила мне гаджеты и прочие дорогие игрушки, возбуждающие мое воображение, но в конечном счете редко покидающие свои коробки. У меня есть дегидратор, электрический разделочный нож и хлебопечка, а в прошлом году мне подарили бинокль ночного видения. На Рождество я зарядил в него батарейки и обошел с ним подвал – так как не мог дожидаться сумерек, – выслеживая стаю воображаемых скворцов. (В бинокль не рекомендовалось смотреть при свете, чтобы не повредить его, а возможно, и глаза в придачу.) После я убрал его в коробку, и он так и лежал теперь в моем кабинете, среди компьютерных проводов и ненужных вещей.

Возможно, подумал я, если это животное, собака или кошка, или енот, или кто-там-еще, увидит меня на веранде, оно и не явится, а потому я поставил себе стул в кладовке величиной чуть больше туалета, из которой была видна веранда, и когда все в доме уснуло, зашел на веранду пожелать Черному Коту доброй ночи.

---

³⁵ Хоуп Миррлиз (1887–1978) – британская романистка, поэт и переводчик. «Луд Туманный» (1926) – главное ее фэнтезийное произведение, ставшее известным почти полвека спустя после издания. Это роман-притча о том, какие опасности в себе таит стремление вытеснить из жизни все таинственное, не вписывающееся в привычные рамки.

Этот кот, сказала моя жена, когда он появился у нас впервые, – *почти человек*. В самом деле, его огромная львиная мордочка очень смахивала на лицо: широкий черный нос, желто-зеленые глаза, клыкастый, но дружелюбный рот (со все еще гноящейся раной на нижней губе).

Я погладил его по голове, почесал под подбородком и пожелал удачи. После чего ушел в свою кладовку, погасив на веранде свет.

Там я сидел в темноте с биноклем ночного видения в руке. Я включил бинокль, и его окуляры излучали зеленоватый свет.

Время шло, было темно.

Я развлекался тем, что смотрел в бинокль, учась наводить фокус, видеть мир зеленых теней. И ужаснулся, увидев, сколько насекомых роится в ночном воздухе: ночной мир напоминал кошмарный суп, в котором кишмя кишит жизнь. Тогда, немного опустив бинокль, я стал смотреть в черно-синюю ночь, пустую, мирную и спокойную.

Время шло. Я старался не заснуть, тяжело страдая от отсутствия сигарет и кофе, насильно избавленный от этих вредных привычек, которые наверняка помогли бы не сомкнуть глаз. Но не успел я слишком погрузиться в мир грез и снов, как в саду раздался вой, который сразу стряхнул с меня оцепенение. Схватив бинокль, я поднес его к глазам и увидел всего-навсего Снежинку, белую кошку, пронесшуюся по палисаднику пятном зеленовато-белого света. Она пропала среди деревьев слева от дома. Я был разочарован.

И собирался вновь принять расслабленную позу, но мне пришло в голову поинтересоваться, что же так напугало Снежинку, и я принялся внимательно осматривать окрестности, выискивая огромного енота, собаку или злобного опоссума. И вдруг увидел, как по подъездной дорожке к дому движется нечто. В бинокль я видел все так ясно, словно днем.

Это был дьявол.

Я никогда прежде не видел дьявола, и хотя когда-то писал о нем, если бы меня приперли к стенке, я признался бы, что не верю в его существование; он был для меня воображаемой фигурой, по-мильтоновки трагической. Однако то, что теперь двигалось по дорожке к дому, не было мильтоновским Люцифером³⁶. Это был дьявол.

Сердце так забилося в груди, что мне стало больно. Я надеялся, что он меня не видит, что, сидя в доме и глядя в окно, я надежно спрятан.

А приближавшаяся фигура мерцала и менялась. Одно мгновение она была темной, похожей на Минотавра³⁷, в следующее – изящной и женственной; потом превращалась в кота, огромного, покрытого шрамами серо-зеленого дикого кота с перекошенной от ненависти мордой.

На мою веранду ведут ступени, четыре некрашенных деревянных ступени (я знал, что они белые, хотя в бинокле они были серыми, как и все остальное). На нижней ступени дьявол остановился и что-то крикнул, я не разобрал, три-четыре слова на скулящем, воющем языке, архаичном и позабытом, должно быть, еще в древнем Вавилоне; и хотя не понял ни слова, я почувствовал, как, когда он их произносил, у меня на затылке волосы встали дыбом.

И тут я услышал приглушенное стеклом низкое рычание: это был вызов, и, медленно и нетвердо ступая, стала спускаться навстречу дьяволу черная фигура. Это был Черный Кот,

---

³⁶ В поэме Джона Мильтона (1608–1674) «Потерянный рай» (Paradise Lost, впервые – 1667) о возмущении отпавших от Бога ангелов и падении человека. Великое значение «Потерянного Рая» – в психологической картине борьбы неба и ада. Милтон создал грандиозный образ Сатаны, которого довела до отпадения от Бога жажда свободы. Первая песнь «Потерянного рая», где побежденный враг Творца горд своим падением и посылает угрозы небу, – самая вдохновенная; она положила начало демонизму в английской да и мировой литературе. При всей своей ужасающей гордости и готовности противостоять Богу, Сатана сознает свою неправоту: Метался Враг на огненных волнах, Разбитый, хоть бессмертный. Рок обрек Его на казнь горчайшую: на скорбь О невозвратном счастье и на мысль О вечных муках. Он теперь обвел Угрюмыми зеницами вокруг; Таились в них и ненависть, и страх, И гордость, и безмерная тоска... (Перевод М. Лозинского)

³⁷ *Минотавр* – персонаж греческих мифов, чудовище с телом человека и головой быка.

который уже не напоминал пантеру и шатался и спотыкался при ходьбе, как только что сошедший на берег моряк.

Тем временем дьявол превратился в женщину. Она сказала коту что-то нежное и успокаивающее, на языке, похожем на французский, и протянула к нему руку. Он впился в руку зубами, и тогда ее губы искривились, и она в него плюнула.

Тут женщина взглянула на меня, и если у меня еще оставались в том сомнения, теперь я точно знал, что это дьявол: в глазах ее горел красный огонь, хотя в бинокль это и не видно – только оттенки зеленого. Дьявол видел меня в окно. Он меня видел. Я в том нисколько не сомневаюсь.

Дьявол, корчась и извиваясь, превратился в нечто вроде шакала, в существо с плоской мордой, огромной головой и бычьей шеей, полугиену-полудинго. В его шелудивой шкуре копошились черви, но он продолжал подниматься по ступеням.

Черный Кот прыгнул, и, извиваясь, они принялись кататься по земле так быстро, что я не успевал ничего разглядеть.

И при этом не издавали ни звука.

Вдали, на проселочной дороге, куда выходит наш подъездной путь, загромыхал приподнявшийся грузовик, через бинокль его горящие фары сияли, как зеленые солнца. Я убрал бинокль и увидел в темноте слабый желтый свет фар, а затем красный – задних фонарей, а потом и они пропали.

Когда я снова поднес к глазам бинокль, смотреть было уже не на что. Только на ступенях сидел Черный Кот и смотрел в темноту. Я поднял бинокль выше и увидел нечто, возможно, стервятника, улетавшего прочь.

Я пошел на веранду, поднял Черного Кота и погладил его, и сказал ему много добрых и ласковых слов. Он жалобно мяукнул, когда я подошел, но очень скоро уснул у меня на руках, и я положил его в корзинку, а сам пошел наверх, спать. А наутро обнаружил на футболке и джинсах капельки засохшей крови.

Это было неделю назад.

Но такое случается не каждую ночь, хотя и довольно часто: мы знаем об этом по ранам кота и по боли, которую я читаю в его львиных глазах. У него уже не сгибается левая передняя лапа и ослеп правый глаз.

Не могу понять, чем мы заслужили появление у нас Черного Кота. И кто его послал. И еще, как ни трусливо и эгоистично это звучит, мне хотелось бы знать, надолго ли его еще хватит.

Мост тролля

Большую часть железнодорожных путей разобрали в начале шестидесятых, когда мне было три или четыре. А услуги, оказываемые в поезде, свели к минимуму. И ехать теперь можно было лишь до Лондона, а городок, в котором я жил, стал конечной станцией.

Мои самые первые яркие воспоминания: мне полтора года, мама в больнице, рождает сестру, и бабушка ведет меня в центр города на мост, и поднимает на ручки, чтобы я увидел внизу паровоз, который, пыхтя, ползет по дороге, похожий на железного черного дракона.

В течение следующих нескольких лет пыхтящих паровозов совсем не осталось, а вместе с ними исчезли и сети железных дорог, соединявших деревню с деревней и городок с городком.

Мне было неведомо, что паровозы отслужили свой век. Но к тому времени, когда мне исполнилось семь, они были уже в прошлом.

Мы жили в старом доме на окраине города. Напротив было пустое поле под паром. Обычно я карабкался на забор, где читал, укрывшись в тени какого-то дерева; а когда тянуло на приключения, исследовал окрестности нежилой усадьбы за полем. Там, над покрытым ряской искусственным прудом, был низко перекинут деревянный мост.

Во время моих набегов я никогда не встречал там ни сторожей, ни зрителей и никогда не пытался войти в дом. Это могло навлечь неприятности, а кроме того, я свято верил, что во всех старых домах водятся привидения.

Я был не то что легковерен, просто мне верилось во все темное и опасное. В моем детском воображении ночи были населены одетыми в черное голодными призраками и ведьмами, которых сбивает с ног ветер.

Вера в обратное успокаивала: днем безопасно. Днем всегда безопасно.

У меня был ритуал: в последний день занятий перед летними каникулами, по дороге домой, я снимал ботинки и носки и, держа их в руках, вышагивал по каменистой тропинке своими нежными розовыми ступнями. После, все лето, я надевал ботинки только если заставляли. И упивался своей босоногой свободой, пока в сентябре вновь не начинались занятия в школе.

Когда мне было семь, я нашел в лесу тропинку. Был жаркий и солнечный летний день, и меня занесло довольно далеко от дома.

Я чувствовал себя открывателем новых земель. Пройдя мимо усадьбы, с ее заколоченными слепыми окнами, миновал незнакомый лес. Спускаясь по крутому склону, я оказался в тени, в густых зарослях, на тропинке, по которой прежде не ходил; сквозь листву пробивались зеленые и золотые пятна света, и мне показалось, что я очутился в волшебной стране.

Вдоль тропинки пролегало русло тоненького ручейка, который кишмя кишел крошечными прозрачными головастиками. Я выловил одного, долго смотрел, как он дергался и извивался на моей ладони, и бросил обратно в ручей.

Я шел вниз по течению. Совершенно прямая тропинка заросла невысокой травой. Время от времени я находил отличные камешки: ноздреватые, оплавленные – коричневые, и пурпурные, и черные. Если посмотреть через них на свет, можно было увидеть все цвета радуги. Решив, что они невероятно ценные, я набил ими карманы.

Так я все шел по золотисто-зеленому коридору, и никто мне не повстречался на пути.

Я не был голоден и не испытывал жажды. Мне просто хотелось узнать, куда ведет тропинка. Она все еще была прямая как стрела, и совершенно ровная. На всем пути тропинка оставалась прежней, в отличие от местности окрест. Вначале я шел по дну оврага, крутые склоны которого густо заросли травой. Затем – по гребню, и, глядя вниз, мог видеть верхушки деревьев и редкие крыши далеких домов. Тропинка оставалась плоской и прямой, а я шел по ней через долины и плато, долины и плато. В конце концов, в одной из долин, я вышел к мосту.

Мост был построен из ярко-красного кирпича, и висел надо мной огромной аркой. С одной стороны к нему вели вырубленные в камне ступеньки, а на самом верху я увидел маленькие деревянные ворота.

Я был удивлен, увидев здесь следы присутствия человека, ведь я не сомневался, что тропинка имеет природное происхождение, как вулкан. Скорее из любопытства, чем по какой-то иной причине (в конце концов, как мне представлялось, я прошел уже сотни миль и мог оказаться *где угодно*), я поднялся по ступенькам и прошел в ворота.

Я был незнамо где.

Вверху мост был вымощен глиной. По обеим его сторонам простирались поля. С одной стороны – пшеничное, с другой – поросшее травой. В засохшей глине виднелись следы огромных тракторных колес. Я пересек мост, чтобы удостовериться, что здесь и вправду никого. Мои босые ноги беззвучно ступали по земле.

На мили вокруг я ничего не увидел, кроме поля с пшеницей, травы и деревьев.

Я сорвал колосок, высыпал сладкие зерна, покатал на ладони и принялся задумчиво жевать.

И тут я понял, как проголодался, и спустился по ступенькам на заброшенный железнодорожный путь. Пора было возвращаться. Я не заблудился; мне следовало вернуться по той же тропинке, вот и все.

Под мостом меня ждал тролль.

– Я тролль, – сказал он. И немного помолчав, добавил, будто поясняя: – *Тролль, кроль, профитроль.*

Он был огромен: его макушка доставала до свода моста. Он был почти прозрачным: хоть и смутно, я мог видеть сквозь него кирпичи и деревья.

Он был плотью и кровью моих ночных кошмаров. У него были огромные крепкие зубы, и ужасные когти, и сильные волосатые руки. Волосы длинные, как у одной из пластиковых кукол моей сестры, и глаза навывкате. Он был гол, и его член свисал из кустистых зарослей между ног.

– Я тебя слышал, Джек, – прошептал он голосом ветра. – Я слышал, как ты топал по моему мосту. А теперь я съем твою жизнь.

Мне было всего семь, и это было днем, и я не помню, чтобы я испугался. Детям не страшно сталкиваться лицом к лицу с героями сказок, они знают, как с ними обходиться.

– Не ешь меня, – сказал я троллю. На мне были коричневая полосатая футболка и коричневые вельветовые штаны. Волосы у меня тоже были коричневыми, а одного из передних зубов не хватало. Я как раз учился свистеть через эту дырку, но пока не преуспел.

– Я съем твою жизнь, Джек, – повторил тролль.

Я смотрел ему прямо в лицо.

– Скоро сюда придет моя старшая сестра, – соврал я, – она намного вкуснее меня. Лучше съешь ее.

Тролль понюхал воздух и улыбнулся.

– Ты совсем один, – сказал он. – На тропинке больше ничего нет. Совсем ничего. – Он наклонился, и его пальцы пробежали по мне: так прикасаются слепые – точно бабочки порхают у лица. Он понюхал свои пальцы и покачал своей огромной головой.

– У тебя нет старшей сестры. Только младшая, а она сегодня гостит у подружки.

– И все это ты узнал по запаху? – поразился я.

– Тролли могут чухать раду, и звезды, – прошептал он печально. – Тролли могут чухать сны, которые ты видел, когда еще не родился. Подойди ближе, и я съем твою жизнь.

– У меня в кармане очень ценные камни, – сказал я. – Возьми их вместо меня. Смотри. – И я показал ему чудесные оплавленные камни, что нашел по дороге.

– Шлак, – сказал тролль. – Мусор, который остался от паровоза. Для меня они ценности не представляют. – Он широко раскрыл рот. У него были острые зубы. А его дыхание пахло перегоревшим и изнанкой всех вещей. – Хочу есть. Сейчас.

Он становился все крепче и реальнее, а внешний мир сделался тусклым и призрачным.

– Подожди. – Я чувствовал под ногами влажную землю, шевелил пальцами, цепляясь за реальную жизнь. Я смотрел в его огромные глаза. – Ты не хочешь съесть мою жизнь. Не сейчас. Мне всего семь. Я еще и не жил. Не все прочел книги. Не летал на самолете. Не научился как следует свистеть. Почему бы тебе не отпустить меня? А когда стану старше и вырасту, и тебе будет что есть, я вернусь.

Тролль посмотрел на меня глазами, похожими на паровозные фары, и кивнул.

– Вот тогда и возвращайся, – сказал он. И улыбнулся.

Я повернулся и пошел обратно по прямой тропинке, оставшейся там, где была железная дорога.

А потом побежал.

Я несся по тенистой тропинке, пытая и отдуваясь, пока не почувствовал острую боль в боку, и так, держась за бок, побрел домой.

Пока я рос, полей оставалось все меньше. Один за другим, ряд за рядом, вырастали дома и дороги, названные в честь полевых цветов и популярных писателей. Наш дом, старинный обшарпанный викторианский дом, был продан, и его снесли, а на месте сада появились новые дома.

Дома возводили повсюду.

Однажды я даже заблудился в новом квартале, выросшем на месте пустыря, где я знал каждую травинку. Правда, я не особенно огорчился оттого, что поля застроили. Старую усадьбу купила транскорпорация, и повсюду вокруг усадьбы тоже выросли дома.

Через восемь лет я вновь оказался на заброшенной железной дороге, и не один.

Мне было пятнадцать; к тому времени я сменил две школы. Ее звали Луиза, и она была моей первой любовью.

Я любил ее серые глаза, пушистые каштановые волосы и неуверенную походку (как у олененка, который учится ходить, – звучит банально, за что прошу извинить). Когда мне было тринадцать, я увидел, как она жует резинку, и запал на нее как падает с моста самоубийца.

Главная неприятность заключалась в том, что мы были лучшими друзьями и оба ходили на свидания к другим.

Я никогда не говорил ей о любви, я даже не говорил, что она мне нравится. Ведь мы были приятелями, только и всего.

В тот вечер я был у нее: мы сидели в ее комнате и слушали первый диск группы «Stranglers», который назывался «*Rattus Norvegicus*»³⁸. Панк тогда только начинался, и все было таким волнующим: возможности в музыке и во всем остальном казались бесконечными. И вот, когда мне пора было возвращаться домой, она решила меня проводить. Держась за руки, невинно, как добрые друзья, мы неторопливо шли к моему дому.

Луна светила ярко, и мир был видимым и бесцветным, а ночь – теплой.

Дойдя до дома, мы увидели в моих окнах свет и остановились. Мы говорили о группе, которую я сколотил, но в дом так и не вошли.

А потом решили, что теперь я ее провожу. И пошли обратно.

Она рассказывала о ссорах с младшей сестрой, которая таскала у нее косметику и духи. Луиза подозревала, что сестра уже занимается сексом с мальчиками. Сама она была девственницей. Оба мы были девственны.

---

³⁸ *The Stranglers* – британская рок-группа; образовалась в 1974 г.; ее первый альбом *Rattus Norvegicus* стал одним из бестселлеров первой волны панк-рока.

Мы стояли на дороге у ее дома, под желтым уличным фонарем, и с улыбкой смотрели друг на друга, на черные губы и бледно-желтые лица.

А потом снова куда-то шли, выбирая тихие улицы и безлюдные тропинки.

Тропинка в одном из новых кварталов вывела нас к лесу, и мы не стали сворачивать.

Тропинка была прямая и очень темная, и только огни далеких домов светили нам, как звезды, а луна освещала путь. Мы вздрогнули, когда перед нами что-то засопело и фыркнуло, и прижались друг к другу, а когда увидели, что это барсук, засмеялись и продолжили путь.

Мы несли всякий вздор о том, что нам снится, и чего мы хотим, и о чем мечтаем.

И все это время я хотел ее поцеловать, и коснуться ее груди, а может, даже раздвинуть ей ноги.

Это был мой шанс. Мы как раз дошли до старого кирпичного моста и остановились. Я прижался к ней, и ее губы раскрылись навстречу моим.

Но она вдруг застыла, словно окаменев.

– Привет, – сказал тролль.

Я отпустил Луизу. Под мостом было темно, и всю темноту заполнила его тень.

– Я ее заморозил, – сказал тролль, – так что мы можем поговорить. И я готов съесть твою жизнь.

Мое сердце подпрыгнуло, и я задрожал.

– Нет.

– Ты обещал вернуться. И вернулся. Ты научился свистеть?

– Да.

– Хорошо. Я вот совсем не умею. – Он принялся и кивнул. – Я доволен. Ты вырос, набрался опыта. Больше еды. Больше меня.

Я сгреб в охапку Луизу, послушную, как зомби, и подтолкнул к нему.

– Не ешь меня. Я не хочу умирать. Возьми ее. Бьюсь об заклад, она вкуснее. И на два месяца старше. Почему бы тебе не съесть ее?

Тролль молчал.

Он обнюхал Луизу с головы до ног, втягивая носом воздух возле ее ступней, и внизу живота, возле груди и волос.

Потом посмотрел на меня.

– Она невинна, – сказал он. – А ты нет. Я ее не хочу. Я хочу тебя.

Я вышел из тени и взглянул на звезды.

– Но на свете еще много такого, чего я никогда не делал, – сказал я отчасти самому себе. – Вообще никогда. Я никогда не занимался сексом. Никогда не был в Америке. Я... – Я помолчал. – Я не успел ничего совершить. Еще не успел.

Тролль не ответил.

– Я мог бы еще раз вернуться. Когда стану старше.

Тролль все молчал.

– Я точно вернусь. Обещаю.

– Вернешься ко мне? – спросила Луиза. – Почему? Разве ты уезжаешь?

Я обернулся. Тролль исчез, и со мной под мостом стояла девушка, которую, как мне казалось, я любил.

– Нам пора домой, – сказал я. – Пойдем.

Всю обратную дорогу мы молчали.

Она стала встречаться с ударником из моей группы, а много позже вышла за кого-то замуж. Однажды мы встретились, в поезде, когда она уже была замужем, и она спросила, помню ли я ту ночь.

Я сказал, что помню.

– Ты тогда мне очень нравился, Джек, – сказала она. – Мне казалось, ты собираешься меня поцеловать. И предложишь встретаться. Я бы согласилась. Если бы ты предложил.

– Но я не предложил.

– Да, – сказала она, – ты не предложил.

Волосы у нее были очень коротко подстрижены, и это ей не шло.

Больше мы с ней не встречались. Стриженная женщина с натянутой улыбкой ничем не напоминала девушку, которую я любил, и разговор с ней был мне неприятен.

Я переехал в Лондон, а потом, через несколько лет, вернулся назад, но город, в который вернулся, не был похож на тот, что я помнил: там не осталось ни полей, ни ферм, ни каменистых тропинок; и как только смог, я уехал оттуда в крохотную деревушку в десяти милях от города.

Я переехал вместе со своей семьей, так как был уже женат и у меня был маленький сын, в старый дом, который когда-то, в прежние времена, был железнодорожной станцией. Шпалы выкопали, и супружеская пара, жившая напротив, выращивала на том месте овощи.

Я старел. Однажды я обнаружил у себя седые волосы; в другой раз, слушая запись своего голоса, понял, что он стал таким же, как у моего отца.

Работал я в Лондоне, в крупной звукозаписывающей компании. Обычно ездил в Лондон поездом, а вечером возвращался назад.

Мне пришлось снять там крошечную квартирку; трудно было всякий раз возвращаться домой, поскольку группы, которых мы записывали, выбирались на сцену не раньше полуночи. Это также означало, что если хотел, я легко мог заняться случайным сексом, а я хотел.

Я думал, что Элеонора, так звали мою жену, мне следовало сказать об этом раньше, ничего не знает о других женщинах; но однажды зимним днем, вернувшись домой после двухнедельной увеселительной поездки в Нью-Йорк, я обнаружил свой дом пустым и холодным.

Она оставила мне письмо, не записку. Пятнадцать страниц, аккуратно отпечатанных, и каждое слово в нем было правдой. Включая приписку: *«Ты ведь совсем меня не любишь. И никогда не любил»*.

Надев теплое пальто, я вышел из дома, ошеломленный и оцепенелый.

Снега не было, но земля смерзлась, и листья хрустели под ногами. Деревья черными скелетами смотрелись на фоне хмурого зимнего неба.

Я шел вдоль шоссе. Мимо проезжали машины, в Лондон и из Лондона. Один раз я споткнулся о ветку, не заметив ее в гряде замерзших листьев, порвал брюки и оцарапал ногу.

Так я дошел до соседней деревни. Дорога под прямым углом пересекала реку и тропинку, которую я никогда прежде не видел, и я пошел по тропинке, глядя на наполовину замерзшую речку. Вода в ней журчала, плескалась и пела.

Заросшая травой тропинка вела через поля; она была прямой как стрела.

В одном месте я нашел присыпанный землей камень. Я взял его, очистил от грязи. Это был кусок оплавленной породы красноватого цвета со странным радужным блеском. Я положил камень в карман пальто и держал в руке все время, пока шел, ощущая его надежное тепло.

Река сильно петляла, а я все продолжал идти.

Я шел примерно час, когда наконец увидел новые маленькие квадраты домов вверху на набережной.

И тут я обнаружил мост и понял, где я: снова на старой тропинке, просто вышел к мосту с другой стороны.

Сбоку на мосту были граффити: БЛИН; БЕРРИ ЛЮБИТ СЬЮЗАН и даже пресловутое НФ – Народный фронт.

Я стоял под мостом красного кирпича, где валялись обертки от мороженого, хрусткие пакеты и одинокий использованный презерватив, стоял и смотрел на свое дыхание, на холодном воздухе превращавшееся в облачко.

Кровь на ранке уже подсохла.

По мосту над моей головой проезжали автомобили; я даже слышал, как в одном громко играло радио.

– Привет! – сказал я спокойно, немного смущенный тем, как глупо звучу. – Привет!

Ответа не было. Только ветер шуршал мусором и листвой.

– Я вернулся. Я ведь обещал. И вернулся. Привет!

Молчание.

И я заплакал, нелепо и беззвучно.

Чья-то лапа коснулась моего лица.

– Я не думал, что ты вернешься, – сказал тролль.

Теперь он был моего роста, а все остальное осталось прежним. Спутанные длинные волосы с застрявшими листьями, огромные печальные глаза.

Я пожал плечами и вытер рукавом лицо.

– Но я вернулся.

Над нами, весело крича, пробежали трое мальчишек.

– Я тролль, – сказал тролль очень тихо и испуганно. – *Троль, кроль, профитроль.*

Его трясло.

Я протянул руку и взял его за огромную когтистую лапу.

– Все нормально, – сказал я. – Правда. Все хорошо.

Он кивнул.

Троль повалил меня на землю, на листья, на обертки и использованный презерватив, придавив своим телом. А потом поднял голову, открыл рот и съел мою жизнь, жуя ее своими крепкими острыми зубами.

Когда закончил, он встал и отряхнулся. Сунул руку в карман своего пальто и достал ноздреватый оплавленный камешек. Шлак.

И протянул мне.

– Это твой, – сказал тролль.

Я посмотрел на него: моя жизнь ему прекрасно подошла, словно он носил ее многие годы. Я взял у него камешек и понюхал. Почуял запах паровоза, с которого он выпал когда-то очень давно. И крепко зажал в своей волосатой лапе.

– Спасибо, – сказал я.

– Удачи, – ответил тролль.

– Ну да. Конечно. Тебе тоже.

Троль усмехнулся мне в лицо.

А потом повернулся ко мне спиной и двинулся по тропинке, по которой я пришел, к деревне, к пустому дому, из которого я вышел в то утро; он шагал и насвистывал на ходу.

И с тех самых пор я здесь. Прячусь. Жду. Я – часть этого моста.

Из тени смотрю, как мимо проходят люди: как они выгуливают собак, говорят, в общем, живут своей жизнью. Порой люди заходят под мост, постоять, пописать, заняться любовью. Я на них смотрю, но молчу; и они меня не видят.

Троль, кроль, профитроль.

Я намерен остаться тут, где всегда темно. Я слышу, как все вы ходите, как топаете и громыхаете по моему мосту.

О да, я все слышу.

Но я вам не покажусь.

Не спрашивай Джека

Никто не знал, откуда игрушка взялась, кому из предков или дальних родичей принадлежала прежде чем ее отдали в детскую.

Это была резная шкатулка, расписанная красным и золотым. Нет сомнений, она привлекала внимание и, во всяком случае так считали взрослые, возможно, представляла ценность как предмет старины. К сожалению, замок проржавел, а ключ потерялся, и выпустить Джека не представлялось возможным. И все же шкатулка была замечательная, тяжелая, резная и с позолотой.

Дети с ней не играли. Она лежала на самом дне старого деревянного ящика с игрушками, такого же старого и огромного, как пиратский сундук с сокровищами. Джек-в-табакерке был погребен под куклами и паровозиками, клоунами и бумажными звездами, и магическими фокусами, и сломанными марионетками с безнадежно запутанными нитями, в нарядных платьях (вот обрывки старинного подвенечного платья, а вот сплюснутый временем черный цилиндр), украшенных бижутерией; с треснувшими обручами и елочными макушками, с лошадками на палочке. Подо всем этим и лежала шкатулка.

Дети с ней не играли. Оставшись наверху одни, они перешептывались. В пасмурную погоду, когда ветер завывал в трубе, а дождь барабанил по крыше и по карнизам с шумом бежала вода, они рассказывали друг другу истории о Джеке, хоть никогда его и не видели. Один утверждал, что Джек – злой волшебник, помещенный в коробку в наказание за преступления, слишком ужасные, чтобы о них рассказывать; другой (я уверен, это была одна из девочек) склонялся к мысли, что шкатулка на самом деле – ящик Пандоры, и Джек сидит там для того, чтобы не дать плохим вещам снова выйти наружу. Они даже не прикасались к шкатулке, но время от времени кому-то из взрослых вдруг случалось вспомнить старого доброго Джека-в-табакерке и, достав из ящика, водрузить шкатулку на каминную полку, вот тогда, набравшись храбрости и выждав немного, дети снова прятали ее на самое дно.

Дети не играли с Джеком-в-табакерке. А когда они выросли и разъехались из большого дома, старую детскую заперли, и о ней почти позабыли.

Хотя на самом деле было не так. Дети всю жизнь помнили, как поодиночке, в синем лунном свете, босиком поднимались в детскую. Это было сродни лунатизму: беззвучные шаги по деревянным ступеням и затертому ковру. Они вспоминали, как открывали драгоценный ящик, как, перерыв кукол и одежду, доставали из него шкатулку.

Когда мальчик или девочка касался замочка, крышка откидывалась, медленно, как восходит солнце, и тогда начинала играть музыка и появлялся Джек. Он не выскакивал из табакерки, потому что у него не было пружинки, но медленно и неотвратимо поднимался и манил ребенка, чтобы тот наклонился к нему, и улыбался.

И тогда, в лунном сиянии, он говорил им вещи, которые они не могли ни запомнить, ни позабыть.

Старший мальчик погиб на войне. Младший, когда родители умерли, унаследовал дом, однако тот у него отобрали, так как однажды ночью его нашли в подвале с тряпьем, парафином и спичками: он собирался сжечь большой дом до тла. Его отвезли в дурку, и возможно, он все еще там.

Другие дети, то есть когда-то девочки, а теперь женщины, все как одна отказались вернуться в дом, в котором выросли; окна в доме закрыли ставнями, а на двери повесили огромные замки, и сестры приезжали сюда так же редко, как навещали могилу старшего брата и то существо, что некогда было их младшим братом, а точнее сказать, никогда.

Шли годы, девочки стали старухами, а в их детской свили гнезда совы и летучие мыши, и среди забытых игрушек обосновались крысы. Звери без интереса смотрят на поблекшие кар-

тинки на стенах, оставляя помет на том, что некогда было ковром. А глубоко в ящике, в шка-
тулке, все еще сидит Джек. Он улыбается и ждет, и свято хранит свою тайну. Он ждет, когда
придут дети. И может так ждать целую вечность.

Пруд с золотыми рыбками и другие истории

Шел дождь, когда я прилетел в Лос-Анджелес, и я вдруг почувствовал, что оказался в мире черно-белого кино.

В аэропорту меня ждал водитель в черной униформе, в руке он держал белую картонку, хоть и с ошибкой, но с аккуратно выведенной моей фамилией.

– Я отвезу вас прямо в отель, сэр, – сказал водитель. Кажется, он был слегка разочарован тем, что у меня не оказалось багажа, и ему нечего было поднести до машины, кроме выдавшей виды дорожной сумки с футболками, бельем и носками.

– Это далеко?

Он покачал головой.

– Минут двадцать пять – тридцать. Бывать здесь доводилось?

– Нет.

– Ну так я вам скажу, в Лос-Анджелесе все в тридцати минутах. Куда бы вы ни отправились. Тридцать минут, не больше. – Он засунул мою сумку в багажник лимузина, который назвал рыдваном, и открыл мне дверцу.

– И откуда вы приехали? – спросил он, когда мы вырулили на скользкие, мокрые, в неоновых пятнах улицы.

– Из Англии.

– Из Англии?

– Ну да. Вы там бывали?

– Неср. В кино видел. Вы артист?

– Писатель.

Он потерял ко мне интерес, лишь время от времени вполголоса костерил встречных водителей.

Крутанув руль, перестроился в другой ряд, и мы обогнали четыре машины, застрявшие в нашем прежнем ряду.

– Когда в этом городе вдруг начинает накрапывать дождь, все тут же забывают, как водить машину, – сказал он. Я вжался в спинку сиденья. – У вас в Англии все время дожди, я слышал. – Это было утверждение, не вопрос.

– Иногда.

– Что значит иногда! В Англии дожди идут каждый день, – засмеялся он. – И еще густой туман. Очень, очень густой.

– Я бы не сказал.

– Чегой-то вы бы не сказали? – Он был озадачен. – Я в кино видел.

Мы помолчали, пробираясь сквозь голливудский дождь; но очень скоро он не выдержал:

– Просите номер, где умер Белуши³⁹.

– Что вы сказали?

– Белуши. Джон Белуши. Как раз в этом отеле. Передоз. Слыхали?

– А, ну да.

– О его смерти сняли кино. В главной роли какой-то толстяк, ничуть не похож. Но никто правду так и не сказал. Ви-те, он был не один. С ним еще двое. Кинокомпаниям не захотелось копаться во всем этом дерьме. Но когда водишь лимузин, много чего услышишь.

– Правда?

– Робин Уильямс и Роберт Де Ниро. Они с ним были. Унюхались в хлам.

---

³⁹ *Белуши Джон* (1949–1982) – американский комедийный актер и сценарист. Умер от передозировки героина и кокаина в отеле «Chateau Marmont».

Возле здания отеля – белого шато в псевдоготическом стиле – я попрощался с водителем; регистрируясь, я не стал просить номер, в котором умер Белуши.

Я добрался к моему шале под дождем, с сумкой и связкой ключей, которыми, как объяснил портье, мне придется открывать множество дверей и ворот. В воздухе пахло мокрой пылью и, как ни странно, микстурой от кашля. Было сумрачно, почти темно.

Вода текла отовсюду. Она сбегала ручьями через внутренний двор, с шумом заполняя небольшой пруд, примыкавший к задней стене ограды.

Я поднялся в небольшую сырую комнатку. Слишком убогое место для звездной смерти.

Постель была слегка влажной, а дождь все выбивал свой сумасшедший ритм по коробу кондиционера.

Я немного посмотрел по телевизору повтор сериала «Будем здоровы!», незаметно перешедшего в «Такси», которое, став черно-белым, превратилось в «Я люблю Люси»⁴⁰, и наконец отправился спать.

Мне снились безостановочно бьющие в ударные ударники в тридцати минутах езды.

А разбудил меня телефон.

– Э-ге-гей! Как устроился, неплохо?

– Кто это?

– Джекоб со студии. Мы ведь завтракаем вместе, э-гей?

– Завтракаем?

– Ну и ладно. Я к тебе заеду через тридцать минут. Столик уже заказан. Ну и ладно. Ты получил мои сообщения?

– Я...

– Вчера вечером отправил по факсу. До скорого.

Дождь кончился. Солнце светило ярко и горячо: настоящим голливудским светом. Я дошел до главного здания, ступая по ковру листьев эвкалипта, излучавших тот самый запах микстуры от кашля.

На стойке администратора мне передали конверт с присланными по факсу моим графиком на ближайшие несколько дней и приветственными посланиями с накарябанным на полях «Это будет блокбастер!» и «Что-то, но это будет круто!» Факс был подписан Джекобом Клейном, человеком из телефона. Никогда не имел никаких дел с человеком по имени Джекоб Клейн.

К отелю подъехала небольшая спортивная красная машина. Из нее вышел человек и помахал мне рукой. Я подошел. У него была аккуратная пегая бородка, вполне переводимая в денежный эквивалент улыбка и золотая цепь на шее. Он показал мне экземпляр «Сынов человеческих».

Это был Джейкоб. Мы пожали друг другу руки.

– А Дэвид тоже будет? Дэвид Гэмбол?

Дэвидом Гэмболом звали человека, с которым я обсуждал по телефону мою поездку. Он не был продюсером. Я вообще точно не знал, кем он был. Он представился как «участник проекта».

– Дэвид больше не имеет отношения к студии. Можно сказать, теперь курирую проект я. Хочу, чтобы ты знал, после твоей книги я на взводе. Э-гей.

– А это хорошо? – Мы сели в машину. – И где будет проходить встреча?

Он покачал головой.

– Это не встреча, – сказал он. – Это завтрак. – Я был озадачен, и ему стало меня жаль. – Это как бы предваряющая встречу встреча, – пояснил он.

---

⁴⁰ «Я люблю Люси» (*I love Lucy*) – американский черно-белый ситком, впервые шел с октября 1951-го по май 1957 года по каналу Си-би-эс (Columbia Broadcasting System).

Мы отправились в молл примерно в получасе езды от отеля, и Джейкоб по дороге поведал, как ему понравилась моя книга и как он счастлив, что я принимаю теперь участие в проекте. Он сказал, это была его идея поселить меня в этом отеле.

– Это добавит тебе ощущений от Голливуда, каких ни за что не получишь во «Временах года» и «Ма мэзон», не так ли? – и поинтересовался, дали ли мне шале, в котором умер Джон Белуши. Я ответил, что не знаю; скорее всего, нет.

– А тебе известно, с кем он был в тот вечер? Они скрывают это на своих студиях.

– Нет. С кем же?

– С Мерил и Дастином.

– Мы говорим о Мерил Стрип и Дастине Хоффмане?

– Ну да.

– А откуда тебе это известно?

– Люди говорят. Это ж Голливуд. Понимаешь?

Я кивнул, как будто понимаю, но на самом деле ничего не понял.

Люди говорят, что книги пишутся сами по себе, и это ложь. Сами по себе книги не пишутся. Для этого требуются и мысли, и поиски, и ломота в спине, и заметки в блокноте, а времени и работы – вообще немеряно.

Правда, к «Сынам человеческим» это не относится; эта книга была написана сама по себе.

Нам, писателям, непрестанно задают вопрос: «Откуда вы берете ваши идеи?»

Ответ на него таков: из всего сразу. Вещи находят друг друга. И внезапно, когда соединяются верные компоненты, получается – *абрракадабра!*

Началось с того, что практически случайно я посмотрел документальный фильм о Чарльзе Мэнсоне⁴¹ (он был записан на видеокассету, которую мне передал друг, где, помимо него, были вещи, которые я действительно хотел посмотреть): там была запись первого ареста Мейсона, когда все думали, что он невиновен и что правительство просто придирается к хиппи. И там, на экране, был человек с харизмой, красивый оратор-мессия. Ради такого не то что в ад босиком побежишь – ради такого убьешь.

Начался судебный процесс, и через несколько недель красавец превратился в еле волочащего ноги, с бессвязной речью, похожего на обезьяну человека с вырезанным на лбу крестом. Как бы то ни было, гениальная личность исчезла, ее не стало. Но ведь прежде была.

Далее было показано, как бывший сокамерник с тяжелым взглядом говорил: «Чарли Мэнсон? Послушайте, да это же посмешище. Ничто. Мы над ним потешались. Понимаете? Он ничто!»

И я согласился. А ведь было время, когда Мэнсон еще не был харизматичным лидером. Я подумал о благодати, о чем-то данном свыше, чего он вдруг лишился.

Я жадно досмотрел документальный фильм. И тогда, комментируя черно-белые кадры, человек за кадром что-то сказал. Я перемотал, и он сказал это снова.

Так пришла идея. Так появилась книга, которая возникла сама по себе.

А сказал он следующее: младенцы, рожденные женщинами «Семьи» от Мэнсона, были разосланы по детским домам, и по суду каждому дали имя, конечно же, совсем другое, не Мэнсон.

И я подумал о дюжине двадцатипятилетних сыновей Мэнсона. О даре свыше, полученном ими, всеми одновременно. Двенадцать юных Мэнсонов, во всем своем великолепии, со всего мира направляющихся в Лос-Анджелес. И одной дочери, тщетно пытающейся помешать

---

⁴¹ Чарльз Мэнсон (р. 1934) – американский преступник, в настоящее время отбывает пожизненное заключение. Лидер коммуны «Семья», несколько членов которой в 1969 году совершили ряд жестоких убийств, в том числе убийство беременной киноактрисы Шэрон Тейт, жены Романа Полански.

им объединиться и, как будет сказано на четвертой стороне обложки, «осознать их ужасающее предназначение».

Я писал «Сынов человеческих» как одержимый: через месяц я закончил книгу и отправил своему агенту, которую здорово удивил («Ну, это не совсем то, что вы обычно пишете, дорогой мой», – ободряюще сказала она), и которая впервые продала мою книгу с аукциона много дороже, чем я предполагал. (Гонорара, вырученного за остальные книги, три сборника изящных, полных аллюзий странных историй о призраках, едва хватило, чтобы оплатить компьютер, на котором они были написаны.)

А затем, вновь на аукционе, права на ее экранизацию были куплены Голливудом. Книгой заинтересовались три или четыре студии: я заключил договор со студией, которая предложила мне написать сценарий. Я чувствовал, что фильма не будет, что они с этим не справятся. Но тут из моего аппарата стали извергаться факсы, это было поздно вечером, и большинство были подписаны неким Дэйвом Гэмболом; наконец однажды утром я подписал контракт в пяти экземплярах, увесистый, как кирпич; а несколько недель спустя мой агент сообщила, что пришел первый чек и билеты в Голливуд, на «предварительные переговоры». Это было похоже на сон.

Билеты были в бизнес-класс. И в тот момент, когда их увидел, я понял, что это не сон.

Так что в Голливуд я оправился в первом салоне автобуса, жуя копченую лососину и имея при себе еще тепленьких «Сынов человеческих» в твердом переплете.

Итак, завтрак.

Мне сказали, как понравилась моя книга. Имен этих людей я не уловил. У всех мужчин либо борода, либо бейсболка, либо и то и другое; женщины на удивление привлекательны, но в каком-то абстрактном смысле.

Заказ делал Джейкоб, он же и платил. Он объяснил мне, что предстоящая встреча – простая формальность.

– От твоей книги мы без ума, – сказал он. – А зачем было покупать права, если бы мы не хотели снять по ней фильм? Зачем заказывать тебе сценарий, если не ради того своеобразия, какое ты можешь привнести в проект? Твоей *самости*.

Я очень серьезно кивнул, словно литературная самость была результатом моих целенаправленных длительных усилий.

– Такое придумать. Такую книгу написать. Ты просто уникал.

– Один из самых-самых, – сказала то ли Дайна, то ли Тайна, а возможно, Динна.

Я поднял бровь.

– И что от меня потребуется?

– Восприимчивость, – сказал Джейкоб. – И позитивность.

Дорога на студию заняла примерно полчаса. На маленькой красной машине Джейкоба мы въехали в ворота, и Джейкоб принялся выяснять отношения с охраной. Я решил, что он тут недавно, и у него еще нет постоянного пропусса.

А когда мы въехали на территорию, выяснилось, что у него нет и парковочного места. Я и сейчас не понимаю, почему: судя по его же словам, место для парковки так же непреложно свидетельствует о статусе на студии, как подарки от императора определяли статус придворного в древнем Китае.

Мы проехали по улицам странно плоского Нью-Йорка и припарковались перед огромным старым банком.

Еще десять минут пешком, и я оказался в конференц-зале, где Джейкоб и все, с кем мы завтракали, ждали кого-то еще. В суматохе я не уловил, кто это был и чем он или она интересен. Достав экземпляр своей книги, я положил ее перед собой, как оберег.

Кто-то вошел. Это был высокий, остроносый, с острым подбородком человек со слишком длинными волосами, словно, похитив кого-то много моложе себя, он стащил у него волосы. Как ни странно, родом он был из Австралии.

Он сел.

Посмотрел на меня.

– Давай, – сказал он.

Я глянул на своих новых знакомых, но ни с кем не встретился взглядом, они отводили глаза. И тогда я начал говорить: о книге, о сюжете, о концовке – взрыве в ночном клубе, где хорошая дочка Мэнсона подорвала всех остальных. Или думает, что подорвала. О том, что всех сыновей Мэнсона мог бы сыграть один актер.

– И вы в это верите? – это был его первый вопрос.

На него было легко ответить. На этот вопрос мне уже приходилось отвечать по меньшей мере двум дюжинам британских журналистов.

– Верю ли я, что Чарльз Мэнсон одержим некоей сверхъестественной силой, и эта одержимость теперь передалась его многочисленным детям? Нет. Верю ли я, что произошло нечто странное? Думаю, мне ничего другого не остается. Если коротко, возможно, дело было в том, что его безумие оказалось в шаге от безумия внешнего мира. Не знаю.

– М-м-м. Этого парнишку Мэнсона. Может его сыграть Киану Ривз?

Господи, нет, подумал я. Джейкоб перехватил мой взгляд и отчаянно кивнул.

– Почему бы нет? – ответил я. Все это мне только мнилось и не имело отношения к реальности.

– Мы ведем переговоры с его командой, – задумчиво кивнул Некто.

И меня отправили писать для них сценарный план. Под *ними*, как я понял, имелся в виду тот австралиец, впрочем, я не вполне уверен.

Прежде чем я ушел, мне вручили 700 долларов, за которые я расписался: суточные, за две недели.

Два дня я писал сценарный план. Я старался позабыть о книге, представив себе историю как кино. Работа спорилась. Я сидел в своей маленькой комнате с ноутбуком, присланным со студии, и распечатывал страницу за страницей на струйном принтере оттуда же. Ел я прямо в номере.

После полудня я прогуливался по бульвару Сансет и доходил до «почти круглосуточного» книжного, где покупал газету. Потом на полчаса садился во дворике отеля и читал. А получив свою дозу солнца и свежего воздуха, шел обратно в сумерки, переделывать свою книгу в нечто совсем другое.

Очень старый афроамериканец, служащий отеля, мучительно медленно каждый день проходил в это время через двор, поливал растения и кормил рыбок. Проходя, он всегда улыбался, а я кивал в ответ.

На третий день, когда, стоя у пруда, он рукой доставал из него мусор: несколько монет и пачку из-под сигарет – я встал и подошел.

– Привет! – сказал я.

– Сэ... – ответил он.

Я хотел было попросить его не называть меня сэром, но не смог придумать, как это сделать, чтобы он не обиделся.

– Красивые рыбки.

Он кивнул и заулыбался.

– Декоративный карп. Привезли сюда прямо из Китая.

Мы смотрели, как они плавают в маленьком пруду.

– Интересно, не скучно им?

Он покачал головой.

– Мой внук, он ихтиолог, знаете?

– Рыб изучает?

– Угу. Он говорит, у них памяти хватает примерно на тридцать секунд. Вот они плавают в пруду, и им все тут внове, типа, ой, я тут и не был никогда. А встретив рыбку, которую сто лет знают, они спрашивают: «Кто ты, чужак»?

– Вы не могли бы попросить вашего внука сделать кое-что для меня? – Старик кивнул. – Я где-то читал, что продолжительность жизни карпов неизвестна. Они якобы не старятся, как мы. Умирают, когда их убивают люди, или хищники, или болезни, но не старятся и не умирают сами по себе. То есть могут жить вечно.

Он кивнул:

– Я спрошу. В самом деле интересно. Что до этих трех, вот этого я назвал Призрак, ему года четыре-пять. Но два других, они-то приехали прямо из Китая, когда я начал здесь работать.

– И когда же это было?

– Кажется, в одна тысяча девятьсот двадцать четвертом году от Рождества Господа нашего. Ну, сколько бы вы мне дали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.